

18+

Аркадий Грищенко

ХОЛОДНЫЙ МИР ШИРОХАН

Фантастические рассказы и повести

Аркадий Грищенко

**Холодный мир Широхан.
Фантастические
рассказы и повести**

«Издательские решения»

Грищенко А.

Холодный мир Широхан. Фантастические рассказы и повести /
А. Грищенко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-567629-0

В сборник включены фантастические рассказы, повести, ранее
опубликованные отдельными книгами, а также несколько первых глав из
научно-фантастического романа, посвящённого нашим отдалённым потомкам.

ISBN 978-5-00-567629-0

© Грищенко А.
© Издательские решения

Содержание

Ларсуфа	6
Штуковина из Штутгарта	12
Неожиданный Жуков	19
Рафаэль	22
Аномалия	29
Окно времени	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Холодный мир Широхан Фантастические рассказы и повести

Аркадий Грищенко

© Аркадий Грищенко, 2022

ISBN 978-5-0056-7629-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ларсуфа Рассказ

Почему-то у всех сложилось впечатление, что инопланетные тарелки – разные там НЛО, UFO – только над развитыми районами Земли появляются, особенно у объектов секретной военной техники. Кто такую чушь придумал, я не знаю и знать не хочу. С меня довольно того, что произошло в нашей всеми цивилизациями мира заброшенной деревеньке, расположенной в Сибирской низменности под городом Чугуевка. До ближайших аэродромов здесь не меньше тысячи вёрст, да и до всякой военной техники, поскольку защищать у нас некого, разве только трёх выживших из ума старух и меня, деда Степана. Задержались здесь с жильём мы только потому, что наши отпрыски в период обратной революции бешеными темпами рванули в столичный регион, а про нас не столько забыли, а, скорее всего, даже никогда и не помнили. И сидим мы на лавочках у своих четырёх домов вечерами, жуём, что за лето вырастили, и слушаем по радио всякую лабуду благодаря частым падениям в наших местах отработанных ступеней ракет, взлетающих где-то в Казахстане. Иногда такое шлепается, что можно не только радиоприемники найти, но и компьютеры собрать – кто умеет, конечно. Трассы взлетающих в стратосферу ракет проходят в десятке километров от нашей крохотной деревушки, но шума от них столько, что всегда можно понять, какая мощность взмыла в небо, а какая развалилась, до него не добравшись. Садись в повозку и через какое-то время созерцаешь, что бог тебе принёс на сей раз. Жаль, что нет у нас связи с бывальными людьми, а то могли большие деньги иметь от сбора всяческой металлической утвари. А вот космонавтов среди обломков мы, слава богу, пока не находили, врать не буду.

Так вот, выхожу я как-то вечером махру покурить, выращенную у дома. Комары обычно от дыма моего сразу околевают, да и соседние старухи дым мой обходить стараются подальше. А мне-то что? Годков натикало уже за семьдесят, как и соседкам моим, только по российским меркам жить им доведётся в среднем больше моего лет на 12—15. Они ко мне заглядывают редко, только по нужде большой: подсобить по ремонтным делам – деревянный надворный туалет поправить, либо стекло вставить в доме. Вышел я, значит, самосад запалил и затянулся в своё удовольствие. На звёзды с крылечка поглядел. Млечный путь летом яркий такой, красивый! Перевожу взгляд пониже и натываюсь им на низкорослого, слегка светящегося юнца в нескольких метрах от забора. Может кто и вздрогнул бы в этот момент, но сибиряки и моряки народ бывалый, их таким не испугаешь. Сразу стал приглядываться к диковинке и понял, что не ошибаюсь. Стоит невдалеке от меня самый настоящий Серый, а по-другому – розуэльский человек или ретикулянин. Или ещё как там в других странах их обзывают.

Стоит такой коротенький, круглоглазый и безносый парнишка с другой планеты и не моргает даже, уставившись на меня.

«Тоже, наверное, за помощью пришёл, как и соседки», – подумал я и, шагнув ему навстречу, вышел за ограду. Но и теперь он не шевельнулся. Станным мне показалось, что собаки наши не лают, они обычно на любую живность, готовую мимо прошмыгнуть, целым хором отмечают – мёртвого разбудят. А здесь – тишина.

Ну, подошёл я к Серому, вижу, что ниже меня он на полметра будет. Спрашиваю:

– И чего пожаловали? Хлебушка попросить? Или починить чего нужно?

Вот здесь-то пришелец и моргнул совершенно неожиданно своими огромными глазами, а потом, не разжимая узкогубого рта, заявил:

– Во-первых, здравствуйте!

– Здорово, коли не шутишь! – я так всегда всем отвечаю на подобное приветствие.

Из какого-то фильма давным-давно подхватил. – А что во-вторых?

– Приглашаю Вас, незнакомец, посетить наше транспортное устройство. Не возражаете? Любопытно мне стало: пришёл ко мне Серый и на тарелку приглашает. Кстати, очень вежливо, не то, что в других странах. Передают, что там землян насильно похищают, содержат в плохих, нечеловеческих условиях, берут всякие анализы из организма.

– А где Ваша посуда? – тоже вежливо поинтересовался я, оглядываясь в нашей темени и ничего похожего на тарелку с неба не обнаруживая.

– Пойдёмте со мной! – строго сказал Серый, ещё раз моргнул, повернулся и зашагал на своих полусогнутых в сторону недалекой речки, находящейся в самой низине нашей местности. Через пяток минут мне пришлось в изумлении остановиться, так как зрелище было потрясающее. Тарелкой такое назвать я не решился бы, скорее похоже «транспортное устройство» было на огромный сплюснутый детский калейдоскоп. И видно было, как по верхней грани в разных цветах вспыхивают движущиеся предметы неизвестного назначения. Закрытые, словно стеклом, отверстия иллюминаторов пронзительно светили в ночи и создавали эффект мощной электрической лампы для освещения ограниченного условным кругом местечка на нашей сибирской земле. На мой взгляд, эту картину в Сибири раньше не наблюдали, иначе слухи добрались бы и до нашей деревни.

Вокруг инородного в этих краях аппарата мотались в разных направлениях другие Серые. Похоже, действительно с посудиной произошла беда, и хозяева пытались поправить дела. Раз я понадобился, значит, не всё у них получалось. Мой проводник взял меня за руку, и сразу мы с ним очутились внутри устройства, похожего на просторную кабину космического корабля. Стены были сплошь из экранов, кнопок, клавиш и всякой диковинной незнакомой мне мешанины из разноцветных проводов.

Серый показал мне на подобие кресла и сел на соседнее. Затем он положил свои слабые руки на панель с кнопками и сделал несколько неуловимых движений. На ближайшем экране возникла знакомая картинка: наша голубая Земля из космоса с расстояния Луны или около этого. Протянулась пунктирная линия к планете, причём перед самой Землей на конце линии образовался кружок с лучиками, скорее всего обозначивший взрыв на борту летящего аппарата. Затем на экране промелькнула картина кувыркающегося в атмосфере «транспортного устройства», постепенно замедляющего скорость и плавно соприкасающегося с поверхностью. Серый выключил экран и посмотрел на меня.

– Обещали починить! – с нажимом напомнил он, всё также не разжимая губ.

Сибиряки и моряки – народ бывалый. И уважительный к чужой беде. К тому же у меня возникло желание помочь Земле освободиться от серого рабства раз и навсегда.

– Замётано! Сейчас, только инструмент принесу...

И моментально очутился я около своей покосившейся хибары в сопровождении моего неразговорчивого спутника, слегка освещавшего своим телом дорогу. Видно, что следил он за моими действиями, почувствовал, что могу дополнительные проблемы им создать. Но мне-то наплевать было на его подозрения. Что он мог в моём инструменте разглядеть опасного для тарелки? Инструмент, как инструмент: ключи гаечные, молоток, плоскогубцы и так далее. А то, что я в карман штанов сунул потихоньку, Серый заметить не мог. Над этой конструкцией я трудился все последние восемь лет. Первые образцы прекрасно прошли ходовые испытания: медведи, доставлявшие мне со старухами разные хлопоты при набегах на деревню, давно исчезли в неизвестном направлении. Я полагаю, сопят они где-то в другом измерении, хотя может быть их перенесло и поближе. Как-то в новостях передавали, что на станции «Южная» в Антарктиде случайно под метровым льдом обнаружили замерзшего сибирского косолапого. Может быть, что наш, с Чугуевки...

Так что вернулся я к транспортному устройству экипированный, как надо. Серый чувак вновь завёл меня внутрь, покопался я для отвода глаз в потрохах двигательного антигравитаци-

тационного аппарата, поломку устранил и свою захваченную из дома штуковину куда нужно пригородил.

Вышел на свежий воздух, руки о тряпочку вытер, говорю Серому:

– Ну что, всё готово, взлетайте!

Смешно мне стало, когда его кругляшки при этих моих словах чуть из орбит не выскочили, видимо, не поверил сначала. Я сразу успокоил:

– Давай, запускай тачку, всё о'кей!

Про о'кей он мгновенно понял и исчез. И все толкающиеся вокруг тарелки Серые тоже как по команде рванули к аппарату. Транспортное устройство на глазах пошло мелкими разводами по корпусу – так оно, наверное, со стартера заводится. Свет от него потускнел и почувствовал я в мозгах слова благодарности:

– Большое спасибо!

– Без проблем, кушайте на здоровье! – ответил я устало и нажал заветную финишную кнопку. И стало у речки, как было всегда: темно и сыро.

Теперь про Серых почти не упоминают по радио. Куда-то, говорят, пропали. На родину подались, что ли. Я всё жду, может, какого-нибудь откопают всё-таки на станции «Южная»?

* * *

Дед Степан стоял в распадке перед деревней и снизу, набычившись, наблюдал северное сияние. В этих широтах обычно северного сияния не бывало, но Степана привела сюда оборонная старухой Изергиль – так её дразнили ещё в школе – фраза, что в распадке за околицей, у самой речки на небе по вечерам она стала замечать какое-то необычное свечение. Сначала дед Степан отмахнулся от старухи. Какого рожна, спрашивается, ей поздним вечером ходить гулять за речкой? Что она там потеряла такого, что её понесло туда, да не один раз. Разве только воспоминания о потерянной невинности? Но ведь это было настолько давно, что Изергиль скорее всего уже и забыла значение этого слова. Обычно она с двумя оставшимися соседками бродила у своего дома и рассказывала байки про внука Серёжу, который вроде бы жил сейчас где-то в Канаде и иногда присылал ей весточку. Наверное, на английском присылал, раз из Канады. По правде говоря, почта до здешних мест обычно не добиралась, за ней сам Степан и ездил в центр раз в квартал, но никогда не помнил, чтобы для Изергиль что-то было. Писали отпрыски так редко, что помри они здесь по очереди или все четверо зараз, то понятно, что на похороны никто не успеет, если вообще о них узнает. Сколько ещё таких заброшенных деревень в России образовалось – не счесть!

Степан отошёл от кедра на чистое место, продолжая смотреть вверх. Необычность странного свечения была в том, что оно напоминало расходящиеся в диаметре от центра круга цветов обычной радуги, причём последовательность цветов менялась. Интереснее всего было то, что в самой деревне свечение в небе не наблюдалось. А здесь, как будто кто-то в световую морзянку играет.

После истории с Серыми дед Степан много передумал над всякими феноменами, о которых смог узнать по радиопередачам. Жизнь в своё время помотала его: на боевом океанском корабле пришлось побывать в разных странах, посетить другие берега. Он знал несколько языков, они ему давались значительно легче, чем другим, и командиры часто этим пользовались, выбираясь на берег для приятного времяпрепровождения. Рестораны, бары, свободные девочки, до которых так охочи были боевые начальники – везде помогал Степан налаживать связи. После контузии всё закончилось, он был списан на берег, но технику, с которой имел на корабле дело, не забыл. Более того, Степан придумал и изготовил множество чудесных устройств для разных случаев жизни, благо из неба здесь сыпались любые запчасти. Однажды даже приземлился в отличном состоянии посадочный модуль с витиеватой надписью по бокам «Larsufa». Модуль оказался пуст и легко был вскрыт дедом Степаном при помощи обычной монтировки и другого подручного инструмента. Изучить пульт управления, не похожий

на устройства, используемые в морских судах, для Степана не оказалось сложным. Он осторожно всё попробовал, кроме отдельно расположенной бледно-розовой кнопки, так и не поняв её предназначение. Первое время Степан просто навещал модуль на месте падения, его невозможно было погрузить на повозку даже с помощью Изергиль с подружками её же возраста. Да и повозка рассыпалась бы сразу от такой тяжести. Потом, правда, Степан добавил в конструкцию модуля некоторые внешние детали, да так удачно, что теперь на нём можно было подняться вверх на несколько километров. По горизонтали больше десяти километров в час модуль никак не хотел давать, да и это достигалось больше с помощью попутного ветра, но в перспективе Степан предполагал добавить ему резвости за счёт миниатюрного гравитационного двигателя.

Никто в деревне не знал, да и кого здесь могло это заинтересовать, что дед Степан уже давно в своей крохотной мастерской за ширмой в зале хозяйского дома занимается с разными приборами, собирает какие-то сложные конструкции, причём не пользуясь никакой научной литературой. С малых лет у Степана родители заметили большую тягу к технике, к разгадке всяких происшествий. Они и в военкомате попросили забрать его в морфлот, потому что в морфлоте – по слухам – самые передовые и научно подкованные люди служили. К тому же это было время расцвета ракетной техники и атомных движителей. Степан потом долго вспоминал своего папашу, особенно после случая с аварией атомной подлодки, что стояла у причала рядом с флагманом Советского флота, на котором проходил срочную службу Степан. Узкий пучок радиации вырвался через разгерметизированный отсек подлодки и, похоже, успел нанести повреждение Степану, драившего в это время палубу замечательного корабля. Полежал в госпитале Степан совсем мало. Слабый радиационный фон почему-то временами появлялся при его обследованиях, но врачи вначале не особенно на него отреагировали и какое-то время позволили продолжать службу. Правда, с тех пор сибиряк Степан чаще стал задумываться о строении Вселенной и внутренней структуре любого вещества. Все ранее забытые знания физики с уроков в школе вновь прошли в голове ясным светом, правда теперь за них бывший школьник мог бы получить в отличие от тех дней лишь отличные оценки. Да и в любой институт мог бы поступить играючи. Но на флоте, конечно, этого никто не заметил, только старшие командиры удивлялись всякий раз, когда после посещения очередной страны Степан спокойно разбирался в чужом языке и свободно мог на нём разговаривать. Были случаи, когда Степан быстрее всех находил причину внезапно возникших на корабле неисправностей. В общем, когда его всё-таки списали на берег, проводы были вполне достойными.

«Кто же теперь нас в борделе с девочками будет знакомить?! – со слезами на глазах шепнул на прощание Степану капитан второго ранга Слепаков. – Осиротели мы без тебя...»

После возвращения в свою деревню родителей Степан не застал, медведи как-то ночью посетили их крайний дом, и соседи схоронили останки, не дожидаясь сына. Жизнь продолжалась. Председатель колхоза взял Степана в ремонтную службу МТС, где он и проработал долгие годы до самой пенсии. Жену схоронил рано из-за болезни, а дочка Антонина пулей выскочила замуж за какого-то японца, совершенно случайно забредшего в эти места с международной поисковой экспедицией, организованной Российской академией наук. После этого ни дочери, на самого японца Степан нигде не встречал, а на письма в Страну восходящего солнца ответов не последовало.

Нужно отметить, что после облучения Степан ни разу не болел, даже после несчастного случая в колхозной мастерской при ремонте трактора. Помощник не вовремя включил двигатель, техника дернулась и краем гусеницы наехала на правую ногу Степана. После дикой боли Степан, не разрешивший прикоснуться к себе и отсидившийся в коптёрке, с изумлением рассмотрел, что нога осталась неповрежденной, хотя носок был полностью пропитан кровью. И если до коптёрки ему помогли допрыгать на одной ноге, то после отдыха он без труда ушёл домой на своих двоих.

Поэтому ему не боязны были встречи со всякой нечистью, которой по сообщениям извне на планете всё прибавлялось и прибавлялось. В 60-х годах просочились сведения о Розуэльском контакте в США. А затем, как плотину прорвало: пошло и поехало! Через несколько лет не стало дня, чтобы он на Земле прошёл спокойно – то разбиваются космические тарелки, то появляются красивые гигантские круговые знаки на ухоженных полях, то находят древние рисунки людей в скафандрах. Просто жить стало невозможно. Но прошло несколько десятков лет, и все к этому привыкли. К тому же в глуши Сибири все эти чудеса из радиопередач не воспринимались как истина в последней инстанции, скорее дед Степан со старухами слушали такие сообщения, как сказки для взрослых, но только без эротики. А в их возрасте эротика только вызывала досаду.

Дед Степан покачал головой, отгоняя беспричинно нахлынувшие воспоминания, ещё раз взглянул на пульсирующее сияние и показалось ему, что центр сияния находится не очень высоко над землей. Он подумал сразу про модуль, перемещённый в свое время на окраину деревни – как раз за огородом его дома. В принципе, можно попробовать поднять аппарат в воздух и добраться до источника в небе, поглядеть, что там, да как.

Как только рассвело, Степан пошёл к модулю, проверил готовность к взлёту, заложил в специальную камеру продукты на неделю: не знал, как дело может обернуться, всегда нужно НЗ иметь.

Модуль «Ларсуфа» был произведён, по всей видимости, в какой-то экзотической по отношению к Сибири стране, может быть, в Иране или в Израиле. А может быть, вне Земли? В наше время многие страны работают над аппаратами для космических исследований, хотя чаще всего дело до конца довести не хватает ума. И как модуль мог попасть в эти места – дед Степан не догадывался. Попутным ветром такие вещи принести не может. Вот если только мощный торнадо где-то слямзил такую необычную вещицу, но и торнадо обычно теряет энергию через десяток – другой километров. Так что всё это было неспроста и до разгадки феномена было очень далеко.

Уже поздним вечером, погрузившись на борт, Степан запустил двигатель. Модуль оторвался от земли, низко прошёл до знакомого распадка со свечением и стал медленно подниматься вверх. Погода была летняя, теплая и ощущения у Степана оставались нормальными – без особой тревоги. Череда цветов над головой усиливалась, и примерно на высоте лёгких облачков изумлённый Степан достиг намеченной цели. Модуль как бы вошёл внутрь какого-то пространства, откуда не видно было ни Земли, ни неба. И свечение исчезло. Прекратив подъём, Степан внимательно оглядел возникшее непонятно откуда закрытое пространство, но сразу ничего не понял. Вверх, вниз, вправо, влево простиралась слегка опалесцирующая оболочка неизвестного назначения. Никаких ориентиров видно не было. Внезапно Степан почувствовал лёгкую вибрацию модуля и, приглядевшись повнимательнее, заметил...

– Не может быть! И какая нелёгкая меня сюда понесла?!

Теперь уже явственно было видно, что опалесцирующий «мешок» сжимается. Попробовав рычаги модуля, Степан убедился, что всё работает, но даже при небольшом снижении «Ларсуфа» начал как бы барахтаться в вязком пространстве, не находя силы пройти через него.

Итак, круг замкнулся! Сибиряк представил себя чёрной мышью в светлом ящике с острыми шипами: двигаться можно, но лучше не шевелиться.

Предположений возникло множество. Например:

– месь Серых;

– испытание нового гравитационного оружия одной из продвинутых стран; такие всегда используют малозаселённые просторы планеты, не взирая на принадлежность территории к другому государству – всегда есть отмазка в неисправности аппаратуры, несовершенстве технологии;

– настоящее вторжение инопланетян, что составляло мизерную долю вероятности.

Больше всего у Степана возникало мыслей о модуле. Откуда этот «Ларсуфа» возник и нет ли здесь связи между его хозяевами и последующими событиями.

Между тем модуль уже начал увязать в приближающейся мерцающей пустоте пространства. Внутри ничего не происходило. Запаса кислорода должно было хватить на несколько дней. Дед Степан сидел в очень неудобном кресле и постепенно засыпал...

Он вновь проживал в ускоренном темпе события своей жизни, перед лицом мелькали родители, дети, старики и салаги с флагмана Военно-морских сил Союза, старуха Изергиль с вечно перекошенным ртом и ещё две его соседки – Лариса Печальная и говорливая Клавдия. Вся жизнь и последнее его пристанище – деревенька под Чугуевкой – уходили навек из памяти.

* * *

Очнулся Степан при свете звёзд. Он лежал навзничь на мягком ковре из трав, ничто его не беспокоило, не тяготило, дышалось легко и свободно. Были какие-то смешанные чувства облегчения от мирской жизни, от того кошмара, который, видимо, уже закончился. Он резко поднялся – и сразу включилось Солнце. Хотя... Солнцем это светило назвать было нельзя. От Солнца оно отличалось оранжевым оттенком и огромной величиной – почти на полнеба. Оно отслужило своё и готовилось к взрыву – о таком исходе Степан знал, в свое время запоем читал научно-популярные труды академика Шкловского.

Под ногами действительно была мягкая трава – только голубоватого цвета, а невдалеке от Степана выселись небольшие строения, похожие некоторым образом на жилые дома, но простирались они до самого горизонта. Оглянувшись, Степан нашёл взглядом одинокий, сильно отличавшийся от всего остального, свой транспортный аппарат. Буквы на нём на сей раз сияли ярко под лучами светила, но были те же: «Larsufa». Ветер отсутствовал, было непривычно жарко и влажно, словно в тропиках Земли. Среди строений никакого движения не ощущалось. Похоже, он попал в мёртвый мир, скорее всего, давно покинутый хозяевами.

Степан поднял к глазам руку и не удивился, он ожидал что-нибудь подобного: она не была морщинистой! Его организм чувствовал прежнюю молодость, чувствовал себя не старше, чем двадцатипятилетним... Где-то он читал, когда-то очень давно: в старой книге всё это называлось капсулой времени, он проник сюда по воле хозяев этого мира, каким-то образом связанном с Землей, с Солнечной системой, и теперь у него не было шансов самому повлиять на ситуацию. Наверное, пришли последние денёчки жизни...

«Хоть молодым помру!» – подумал Степан и побрёл по траве к модулю – он захотел есть. В модуле ничего не изменилось, только бледно-розовая кнопка насытилась кроваво-красным оттенком.

Пожевав немного, Степан изучил своё лицо в маленьком зеркальце, взятом на модуль из дома. Действительно, он был теперь очень молод, пора по новой в морфлот на службу. За бортом по-прежнему было тихо, всякое движение отсутствовало, даже светило, похоже, не перемещалось по небосклону. Наверное, здесь был вечный день. Такое в просторах космоса бывает, об этом Степан тоже знал. Ему совершенно неинтересны были строения неподалеку, ему хотелось домой – на матушку Землю. Но что для этого следовало сделать, он не знал. Посидел в кресле с полчаса, подумал. И нажал красную кнопку... Как говорится: была не была!

* * *

Информация в Интернете и в теленовостях была очень краткой: «В Сибирском городе Чугуевка произошло явление, похожее на прошлогодний взрыв болида над Челябинском. Сила взрыва была такова, что от района ничего не осталось. Государственная комиссия приступила к изучению обстоятельств трагедии. Пока выживших не обнаружили».

Штуковина из Штутгарта

Рассказ

Теперь мне сложно дать название случившимся событиям в далёкой стране, но они казались ужасными, особенно поначалу...

До этого кошмара в ближайшем будущем мы проводили время, как всегда в каникулы: днём играли на поляне в футбол, а вечером, собравшись за круглым столом в саду или на детской площадке у своего дома, пугали друг друга выдуманными рассказами про ведьм и вурдалаков, либо сидели на берегу пруда и глядели на отражаемую в воде круглую и яркую луну, вспоминая лучшие наши приключения в прошлогодних походах на величественный Енисей. Тусовались вечерами мы обычно впятером. Две девчонки-подружки: обалденная Сандра Голубкина и очкастая низкорослая Тоня Рыбкина, а также трое ребят: тощий Сашка Пистолет (никто не верил, что это фамилия у него, а не подпольная кличка), единственный второгодник с математическим уклоном в нашем 9А Димон Сапронов и Эдик Пересветов – главный заводила тусовки и рассказчик этой истории.

Августовским тёплым вечером Красавчик появился в нашей компании с каким-то новым другом. Он таинственно отозвал меня в сторону:

– Посмотри Эдуард, кого я привёл? Это тот самый пацан, про которого я тебе говорил. Ну тот, из Штутгарта.

Хорошо, что мы отошли, а то бы все присутствующие насторожились, они сразу заметили бы, как я вздрогнул.

– Матиас? Сын нашей соседки?

– Именно! – Димон скорчил весёлую рожу. Красавчиком я его прозвал понарошку, на самом деле Димон Сапронов внешне смахивал на артиста Крамарова, когда тот ещё до Америки играл в фильме «Джентльмены удачи». Лично я Крамарова обожал, особенно за роль в этом фильме. Поэтому и с Красавчиком подружился. А что? Хороший парень, с ним всегда было комфортно и весело. И не потому, что он под Савелия косил. Красавчик был свой в доску. Всегда мог выручить в трудную минуту, и помогал выполнять сложные – не моего ума – домашние задания сурового учителя математики Мышкина.

А недавний рассказ Димона про Матиаса я хорошо запомнил. Да и как не запомнить? Ведь не каждый день из-за границы появляются дети наших соседей. К тому же наши соседи не так часто меняют гражданство, по непонятной причине исчезнув из поля зрения, да ещё на много лет. Время – такое странное понятие для сонного провинциального городка на просторах Сибири. Никто не помнил эту мало выразительную даму Марию Колыванову из дома напротив. Ту самую, которая ещё в советские годы очаровала приехавшего в командировку на местный завод немца и неожиданно улетела с ним в Германию. Там и родила двойняшек. Моя мать, хорошо знакомая с семейством Колывановых, частенько делилась воспоминаниями со мной. Она просматривала вечерами старые фотографии и показывала мне семейство из Штутгарта во всей красе. На фотке я сразу узнавал толстую тётю Машу. И становилось ясно, что рядом с ней расположился тот самый очарованный немец, а между ними красовались совсем маленькие, но очень похожие лицом на своего отца брат с сестрой. На обратной стороне фотки чётким подчерком были записаны их имена: Хельга и Матиас. Ну кто мог подумать, что прошлое так неожиданно заставит вспомнить о себе?

На прошлой неделе Красавчик мне рассказал, что Колыванова заявила к родне погостить, и с ней прямо с Германии увязался этот самый Матиас. Кстати, неплохо знающий русский язык. Теперь с этим молодым парнем мне и предстояло познакомиться. Я всегда прислушивался к мнению своей матери и хорошо запомнил её слова о том, что Колывановой сильно

повезло, а дети её точно будут жить без забот, не так как я. Мне было интересно узнать у Матиаса кое-что про жизнь в тех далёких краях. Я там не был и думаю, что никогда туда не попаду. Как и в соседние с Германией страны. У меня на роду написано вкалывать на нашем единственном в городе металлургическом заводе. Через год учебу в школе закончу, в армии отслужу и устроюсь к какой-нибудь цех – металлопрокатный, например.

По виду парнишка мне не показался: с длинным носом, в тёмных очках и в модных шмотках. И на пару-тройку лет помоложе. Доверчивый с виду, скорее всего он ответит на все интересующие меня вопросы. Парни и девчата уже собрались в беседке у дома. Я с Димоном завлѣк туда и Матиаса. Было тесновато, но никто не жаловался, каждый хотел узнать что-нибудь у внезапно появившегося в наших краях иностранца, и вопросы сыпались как из рога изобилия. Народ удивлялся, откуда немец так ловко научился русскому? Отвечал он без волнения, разжёвывал ответы тем, кто не понимал. Вскоре все уgomонились и начали расходиться. Лето заканчивалось, приближался последний школьный год.

Красавчик покинул беседку одним из последних, он понял, что у меня появился свой интерес к Матиасу, и не стал нам мешать.

– Ты спешишь? – спросил я парня, поднимаясь с лавки и увлекая его за собой. Мне понравился его русский, чувствовалось, что Кольванова время даром в Германии не теряла.

– Нет, конечно. Мама разрешила мне гулять на её Родине до часу ночи. В любом случае я могу предупредить её по мобильнику...

– Пойдѣм, покажу тебе кое-что.

Мы прошли мимо крайних городских домов и вышли к нашему пруду перед рощей. Я усадил Матиаса на ещё теплую от летней жары металлическую опору, с которой мы привыкли ловить карасей, и показал рукой вверх:

– У вас в Штутгарте такие же звѣзды?

Понятно, что я не ожидал какого-то удивительного ответа. Мол, в Германии звѣзды намного ярче и совсем иначе смотрятся! Просто было интересно, любят ли немцы любоваться Млечным Путѣм? Или их звѣзды вообще не интересуют. Только скучным своим бизнесом занимаются...

– Здесь – за городом – темно, поэтому небо яркое от небесных светил, – довольно сложно ответил Матиас, сразу показав свою эрудицию. – А в Штутгарте такие места ещё надо поискать. Впрочем, у нас на некоторых крышах смотровые площадки есть. Мы с друзьями иногда их посещаем, и там тоже при безоблачном небе света много.

– Да, – согласился я, – роща у нас пока только звѣздами освещается. И смотровых площадок не успели мы наделать. Как-то не захотелось. Скажи, Матиас, ты выбрал уже, кем собираешься стать после учёбы?

– Это ещё не скоро. В принципе, папа предлагал мне разные варианты. Он у меня – известный в мире физик, в его лаборатории – самые продвинутые в Германии специалисты.

– И что же такого интересного в этой лаборатории продвинули?

Матиас немного замялся с ответом. Тогда я уточнил:

– Если не секрет, конечно...

– Для тебя, Эдик, не секрет. Они там работают над самыми разными проблемами. Например, для Илона Маска заказы выполняют – помогают с программным обеспечением микрокосмической техники, типа для вертолѣта на Марс. Точно я знать не могу, не дорос ещё.

Он немного подумал и добавил:

– Отец мне на день рождения подарил парадоксометр. Сказал, что такой забавной игрушки пока нет ни у кого во всѣм мире.

– Ого, оригинальное название! – удивился я. – И что эта штука вытворяет? Что-нибудь неожиданное?

– Я ещё как следует не разобрался. Это же прибор, похож на небольшой мобильный телефон. Отец меня попросил не слишком долго с ним работать, назвал его одним из пилотных экземпляров. Подробных инструкций не разрабатывали, они там у себя всё ещё изучают, какими функциями прибор обеспечить. Главное, что для человека он безопасен, вред причинить не может. По определению его главным назначением является возможность найти причину парадоксального явления, встреченного в жизни. Эдик, а ты знаешь, что такое парадокс?

– Что было раньше: курица или яйцо? Рассказывал нам физик на уроке. Парадоксом считают ситуацию, которая возможна или на самом деле произошла в действительности, но не поддается логическому объяснению! Так? И ты уже выявил причину? Чего-нибудь парадоксального?

– Мне отец много всяких парадоксов перечислял. Некоторые – очень противоречивы, например, парадокс всемогущества. Поэтому я пока побаиваюсь все кнопки на приборе трогать, мало ли что! Я спросил наудачу:

– Так ты прибор с собой носишь?

Парень из Штутгарта сунул руку в карман куртки и вынул невзрачный предмет, далеко не похожий на телефон. Он повертел им перед собой, чтобы я разглядел получше, и пояснил:

– Включается зелёной кнопкой, а управление осуществляется сенсорно после появления изображения на экране, – Матиас продемонстрировал загорание экрана. Там экран-то был с полладошки ребёнка, я сверху ничего особенного не разглядел. – Парни в лаборатории специально для меня установили на прибор несколько новых игр, так или иначе связанных с общеизвестными парадоксами.

– Ладно, проехали, – махнул я рукой на чудо-технику с Запада. – Пойдём по домам, пора баиньки ложиться. Мамаша тебя, наверное, обыскалась...

Мы условились на днях встретиться, чтобы ещё раз полюбоваться на парадоксометр и, может быть, испытать его в деле. На этот раз я заранее разыскал Красавчика и объяснил ему своё горячее желание. Возникло оно накануне: захотелось мне подольше поиграть удивительным прибором, понять его возможности. Заодно изучить, какие там новые игры немцы придумывают. Димон выслушал меня внимательно и, почесав макушку, сказал:

– Первый раз про такие приборы слышу...

– И, наверное, сильно удивишься, если узнаешь, что не один ты такой на свете, другие тоже ничего не слышали про парадоксометр. Послушай, Красавчик! Ты не первый раз меня выручаешь, попробуй ещё разок. Уверен на сто процентов, что у тебя хватит мозгов разобраться с таким хитрым прибором. Ты же с гаджетами и девайсами на одном языке общаешься, не глядя нужную кнопку находишь! Мы облапошим Матиаса, стибрим у него прибор, в крайнем случае, выпросим на время. Если сам не поймёшь, как он работает, то встретишься с учителем Мышкиным, он – любитель технических секретов, сразу заинтересуется и поможет. Он мужик любопытный, обязательно захочет поковыряться в начинке. Кстати, я почему про него вспомнил? Он уже в городе, три дня назад встретился мне в центральном универмаге. Я ему вежливо: «Здравствуйте! Что-то вы рано с морского пляжа вернулись!». «Почему рано?» – уточнил он. «Так вы с отпуска домой только за пару дней до сентября появляетесь!». Как-то странно он на меня посмотрел и буркнул: «Ты, случайно, в следственный комитет на полставки не устроился? Я-то надеялся, что друг Димы Сапронова в летние каникулы математику капитально подтянет. Даже и на море не поехал! Всё за тебя переживал! А ты у нас следственные действия проводишь!». И отвернулся.

– Да, – согласился Димон, – я тебе точно скажу: Мышкин Виктор Сергеевич – человек серьёзный, особенный. Действительно – кроме математики любит и с электроникой повозиться. Лучший из учителей в школе! Как-то попал я к нему в квартиру и очумел – там навалено этих мобильных, планшетов разных! В ремонт он их берёт, что ли...

На том мы и расстались. Ночью мне сны про парадоксометр снились, цветные сны, хотя я слышал, что такое явление – очень редкое. В снах неказистый на первый взгляд прибор играл со мной и Красавчиком в космические войны в отдалённых от Солнечной системы галактиках. Между прочим, сражались мы с весьма коварным населением тамошних планет, на людей совсем не похожих. Просыпался я тяжело, мать насилу меня растолкала:

– Эдик, мальчик мой! Вставай! Побежала я на работу, завтрак – на столе...

Вспомнив, что меня ожидает, я быстро вскочил и бросился умываться. Через полчаса должен был появиться Красавчик с Матиасом. Однако Димон явился один – к моему удивлению:

– Прибор у меня с собой, – заявил он с порога, похлопывая рукой по правой штанине. – Мамаша увела Матиаса на рынок, захотелось показать, какую свежати́ну россияне привозят с деревни. Ей, видите ли, давно мечталось накормить сыночка настоящим борщом! Ты и сам видел – поистощал парень на немецких харчах.

– И что же произошло дальше?

– Дальше произошло без всяких проблем, наш друг поступил по-джентельменски. Он отозвал меня в сторонку от взора тёти Маши и вручил эту штуку, – Красавчик наполовину вынул из кармана парадоксометр, чтобы я убедился, – для нашего использования. Поиграйте, говорит, а после обеда вернёте, там разобраться легче лёгкого. И пояснил для тупорылых из сибирского городка: кнопкой включаете экран, затем действуете по указанию на экране. По его просьбе прибор оснастили приложениями на русском языке, Матиасу так проще было изучать его за время поездки. Забежал я по дороге к нашему математику, а затем быстрее к тебе...

– Ну что же, круто! – обрадовался я. – Ребята, наверное, уже в сборе, пойдём развлекаться...

Иностраннный гаджет определённо всем из нашей тусовки понравился. Хотя скорее его следовало называть девайсом, поскольку устройство самостоятельно могло выполнять определённые задачи. Но наша тусовка из далёкого от столицы региона всё подряд гаджетами привыкла обзывать: чем меньше знаешь слов, тем легче живётся. Игр было много, но в некоторых мы не разобрались. И до обеда управиться не смогли, все интересовались новинкой. Глаза у молодёжи так разгорелись, что отобрать парадоксометр, чтобы вернуть хозяину мне еле удалось. Сандра Голубкова волею судьбы осталась самой обделённой, ей не удалось закончить в свою пользу странную игру с тремя голубями, пятью динозаврами и одним облезлым коала.

– Вечно тебе некогда! – недовольно сказала она мне, нацелившись на мелкие игровые клавиши. – Попросишь у меня в следующий раз чего-нибудь...

Как раз в этот момент Матиас в компании с Красавчиком показались из-за угла дома перед нашей любимой площадкой. Хотя я и был равнодушен к красоте Сандре, но пришлось выхватить парадоксометр, да так неудачно, что он выскочил из наших рук. Быстро подняв его с утоптанной земли перед скамейкой, я пошёл прочь с площадки. Поравнявшись с молодым немцем, я протянул ему прибор:

– Думаю, что ты, Матиас, не будешь очень строго судить нас? В компании из пяти человек не оказалось ни одного, кто не попробовал обыграть твой гаджет. Правда, ни у кого не вышло, но все старались, потому и задержались с возвратом. Они все просили передать тебе русское спасибо.

Я не представлял, что с парадоксометром могла случиться неприятность, когда мы его выронили. Выглядел на вид он очень прочным. Не похоже было, что Матиас заметил происшедшее на площадке. Он ничего мне сразу не сказал, и я посчитал, что всё в порядке. Через день Колыванова с сыном планировала убыть в столицу, а затем вылететь в Германию.

На следующее утро Красавчик пришёл ко мне домой. И сразу заявил, что сынок Колывановой не выложил нам самое интересное про прибор. Оказывается, немецкие изобретатели сильно постарались, наделив его зачатками искусственного интеллекта. Который непрерывно самосовершенствуется и усложняет возможности гаджета. И пока никто не знает, что новенькое появилось в его операционной системе за время пребывания на территории России.

– Виктор Сергеевич при мне вчера вскрывал эту штуковину, языком всё цокал. Видал, говорит, что немцы-черти придумали?! Парадоксометр для проверки признаков парадокса, так я понимаю?

– Так и сказал? – меня такое назначение прибора заинтересовало.

– Я тоже удивился. Зачем признаки искать? Ведь с парадоксами люди давно дело имеют. Только их использовать нельзя, правильно? Или я не то говорю?

Мне самому всё это было странно. И ответить Красавчику было нечего.

– А зачем Мышкин полез внутрь прибора? Ты попросил?

– Обижаешь, Эдуард! Зачем мне это? Мы же с тобой договорились показать его Виктору Сергеевичу. Но не мог же я удерживать нашего учителя за руку и отбирать инструмент? Кстати, он очень ловко у меня на глазах справился: разобрал, микросхемы оценил и всё собрал.

– Вот будет неприятность, если прибор накрылся! То его учитель отверткой курочит, то Сандра под ноги роняет! Это же электроника, притом импортная...

Красавчик уныло кивнул головой:

– Сам думаю, что зря мы с Матиасом связались. Но теперь об этом горевать поздно, Колыванова с сыном уже приближаются к аэропорту в Шереметьево, откуда сегодня же вылетят в Штутгарт.

– И связи у нас с Матиасом нет, – подвёл я итог. – Тебе не скажешь, сам не догадаешься. Можно, конечно, поинтересоваться у брата Колывановой, как связаться с его роднёй. Например, через Интернет, Скайп использовать или Вацап. Так ведь?

Димон Сапронов промолчал. По математике башка у него варит, а общие вопросы надо за него другим решать!

Несколько дней была очень жаркая погода, даже в наших краях температура воды в ближайших водоёмах держалась выше двадцати градусов, мы не теряли времени и плавали наперегонки. Моя Сандра сменила гнев на милость и вновь согласилась на вечерние прогулки по нашим любимым местам, даже без надоедливой Рыбкиной. Я начал забывать о далёкой Германии с продвинутым физиком и его семьёй. Однако, напрасно! До начала учебного года оставалось всего ничего, когда оброненная моей матерью реплика ошеломила и заставила прильнуть к экрану телевизора во время новостей.

Двадцать восьмого августа после одиннадцати вечера я проводил Сандру до дома и поцеловал её в щёчку. Большого она мне ещё не позволяла. Сказала: «До завтра!» и исчезла в подъезде. Домой я не спешил, считал, что мать не ждёт, скорее всего уже легла спать. Приятно было идти по пустынной улице и время от времени разглядывать далёкие звёзды. Чувствовалось приближение осени, к ночи температура воздуха заметно снижалась. Зайдя в квартиру, я удивился: в зале и на кухне горел свет, мать не спала. Она встретила меня в коридоре и сказала:

– Мой руки и ешь, я всё разогрела.

– А почему ты не спишь, мама? Завтра же не выходной, тебе – на работу.

Она махнула рукой в сторону зала:

– Там Машу Колыванову показывали, мельком в толпе. Что-то там в Штутгарте случилось. И сон как рукой сняло, пришлось таблетку успокоительную выпить...

Я вначале не придавал значение её словам, можно сказать, что не врубился. Умылся, поужинал. Когда пошёл в свою комнату, в зале матери уже не было. Заглянул к ней пожелать спокойной ночи, однако снотворное уже подействовало – она мирно спала. А до меня

только дошло – её слова про Штутгарт и про Колыванову напомнили о научных изысках отца Матиаса, про историю наших развлечений с парадоксометром. Новостей в телепрограмме в это время не нашёл, тогда я включил компьютер. Про Штутгарт обнаружил лишь несколько строк в обзоре "LENTA.RU": «В Германии внезапно исчез целый город на юго-западе – Штутгарт, столица земли Баден-Вюртемберг, причём вместе с населением более 600 тысяч человек. В стране начинается паника». Я схватился за голову! Зачем мне всё это? Определённо мы с Красавчиком повредили прибор Матиаса или на какое-то время нарушили его работу. Никто в мире как следует парадоксами не занимался, не вникал в их суть, не пытался разгадать. Парадоксометр был частью новой операционной системы, созданной в научной лаборатории. Откуда мы могли знать, к каким последствиям может привести нарушение в схеме одного из приборов системы? Исчез город! Чуть ли не с миллионным населением! С Матиасом и симпатичной Хельгой, с их отцом, с толстой Марией Колывановой! И куда? В другое измерение, в параллельный мир?

Короче, оделся я быстренько и побежал в соседний дом к родственникам тёти Маши.

Долго звонил по домофону. И дозвонился. Когда в квартиру поднялся, вся семья младшего Колыванова меня встретила, всех разбудил. Что же, не одному мне переживать!

– Рассказывай, Эдик! – Тимур Колыванов, худой, как палка, не в пример сестре, посадил меня в центре зала, сам устроился на кресле, а жена с двойняшками Лизой и Серёгой с испуганными глазами взирали на нас с дивана. – Что такого мы натворили?

– Да я про тётю Машу и Матиаса хотел... – вырвалось у меня, и сразу от волнения голос подсел.

Дядя Тимур удивился:

– Про немцев наших? Так они у себя в Германии, звонили мне после того, как прилетели домой. Ты о чём хотел узнать-то?

– Сон у меня... – всё никак не мог я справиться с волнением, – приснилось нехорошее... Номер телефона можете назвать? Я сейчас бы позвонил, чтобы успокоиться...

Здесь я подумал, что не обязательно Штутгарт переместился в параллельный мир. Возможно, он ещё на месте! Могли напутать эти немцы, мало ли чудес на свете.

Колыванов ушёл в другую комнату искать телефонную книгу. Лиза, ужасно похожая на Хельгу с фотографии, тоненьким заспанным голосом спросила:

– Эдька! А что тебе приснилось? Что-нибудь очень страшное? Кошмар какой-нибудь? – видно было, что она окончательно проснулась и её очень заинтересовало это приключение. Вот братец её Серёга любопытством не страдал. Он вытянулся за спиной матери и, похоже, вновь заснул, не шевелился.

– Кошмар – это не то слово! Проснулся и чувствую, что спать больше не смогу. Такой вот сон неприятный. Оделся и сразу – к вам!

Лиза сразу потеряла ко мне интерес и отправилась в спальню.

Появился дядя Тимур с номером телефона на листочке бумаги.

– Ты вот что, Эдуард! – сунул он его мне. – Со Штутгартом соединится трудно, бывает по часу-два звоним при необходимости. Но мы это делаем редко, чаще Машка нас поздравляет с чем-нибудь. Так что, будь добр, беги обратно и звони моему племяншу сколько угодно. Нам пора отдыхать...

Другого мне не оставалось, пришлось поспешить домой.

Хорошо, что мать спала, а то бы бегала по комнатам и переживала. Я устроился в своей комнате на приготовленной матерью постели и попытался с помощью смартфона услышать Машу Колыванову или её сыночка. С полчаса соединиться с Германией не удавалось. После набора кода страны – 49 – а затем кода Штутгарта – 711 – связь обрывалась. И вновь страх начинал закрадываться в мою душу! Из-за нервотрёпки усталость так навалилась на меня, что

захотелось на всё плюнуть и выключить свет, забывшись сном. И как раз в этот момент в моём любимом смартфоне возник знакомый голос немецкого парня Матиаса!

– Дядя Тимур? Что-то случилось? У вас ведь ночь уже давно...

– Мати, родной, это не дядя! – радостно воскликнул, стараясь не сильно повышать голос, чтобы не разбудить мать. – Эдуард это! Не узнаешь? Из сибирской тусовки...

– Помню, как не помнить! Особенно твою эффектную Сандру. А что тебе не спится, Эдик?

– Не спится, потому что Штутгарт исчез!!!

– Как исчез? А я где по-твоему?

– Откуда мне знать? В новостной ленте сообщили, что нет уже Штутгарта, причём вместе со всеми жителями. Но я рад, что хоть ты откликнулся! Значит, не так всё плохо. Мне реально подумалось, что продвинутый прибор, напичканный парадоксами жителей планеты, мог повлиять на мировые события.

Матиас засмеялся:

– Да, ты отчасти прав. Учитывая влияние на установленную операционную систему искусственного интеллекта, такое действительно может иметь место. Возможно, искин подшутил над нами, используя парадокс лжеца.

– А о чём этот парадокс?

– Искин реально включился в работу, он оказался самым великим лжецом в истории Земли. Если он сказал: «Я сейчас лгу!», то это будет и не ложью и не правдой! Система связана с Интернетом, а, значит, и с мировыми новостями...

Неожиданный Жуков

Рассказ

Мы всегда считали Максимку Жукова из 3-го «Б» немного свихнутым. И всё из-за его рассказов о личной жизни и жизни родни. То у него папа куда-то пропал на несколько дней, то старший брат вместо армии очутился в далёкой Грузии и очень долго его оттуда не могли вернуть из-за событий в Северной Осетии. С самим Максом бывали чудные истории, о которых неделями говорили в школе. Хотя он учился в параллельном классе, то есть был нашего возраста, но мои одноклассники с Жуковым не дружили, зачастую давали ему хорошего тумака. Да и как не дать тумака парню, который однажды на перемене уставился в окно и простоял так все десять минут, а на уроке заявил у доски, что видел у дома напротив школы шикарный «Мерседес», из которого вышла Алла Пугачёва с Галкиным и свернули в нашенький Салон красоты. И это у нас – в занюханном Хрюпорецке! Не слушая учителя, все сбежали с урока смотреть на улицу и, конечно, никакого «Мерседеса» никому не посчастливилось увидеть. В нашем городе кроме двадцать раз перекрашенного «Запорожца», принадлежащего директору школы, других машин отродясь не было. Но новость разнеслась очень быстро, и Макс от своих слов не отказался, даже божился. Тогда ему и врезали по шее – причём, достаточно крепко – наши Ван и Вась – крепыши, сидящие на Камчатке в моем классе. Удивило всех, что Жуков даже не обиделся, а молча стерпел. Хотя куда ему было деваться, не за папенькой же домой бежать, которого как раз куда-то черти унесли, и не за старшим братом, который из Тбилиси на попутных возвращался.

Хрюпорецк наш насчитывал не более двух тысяч жителей, имел из достопримечательностей только дом престарелых, маленькую церквушку, прилегающее с севера кладбище, да нашу школу, где училось на удивление много народу. Правда, некоторые по два-три года в одном классе науки познавали, да ещё с окрестных деревень детишек временами набиралось много. Но когда была сильная пурга или трескучие морозы, то школа выглядела просто пустынной, по ней бродили несколько пацанов с ближайших домов и три толстые пёстрые кошки из хозблока.

Я закончил учиться вместе с Максимом Жуковым, и выпало нам в районном центре поступить вместе на химический завод, производящий всякие вонючие удобрения. Не очень приятная, скажу я вам, работа, но жить как-то надо было, да что-то родителям на пропитание посылать. С ихней пенсией, которую председатель правительства постоянно и уверенно увеличивает, можно было дать хорошего дуба, а мы старались как-то своих поддерживать, хотя зарплату платили не всегда, однажды даже выдали мешками, заполненными этими погаными удобрениями. Мы долго не знали, что с ними делать, но, когда запах под окном общежития сильно усилился и соседи перестали скрывать свои намерения насчет нас, я догадался сходить к одному очень продвинутому городскому деятелю Нодару Гольдфарбу, начинающему в те дни свой малый бизнес с отходами производства. И как ни странно здесь нам с Максом крупно повезло. Деятель откопал древнего профессора из самой Москвы, который примчался, получив образцы нашей случайной зарплаты, плотно запечатанные в целлофановый пакет. Он долго и радостно ходил вокруг кучи удобрений, иногда даже приплясывая. Мы взирали на удивительное зрелище из окна до тех пор, пока профессору не стало дурно, и он на эту кучу упал мордой вниз. Поднялся переполох, оказывается за москвичом наблюдали не только мы, но и другие жители, а также пригласивший профессора деятель Гольдфарб. На следующий день ни нашей законной зарплаты, ни весёлого профессора, ни самого Гольдфарба мы не увидели. И что самое интересное – с того дня мы их больше вообще никогда в жизни не встречали, но перед контактом с основной массой протухших удобрений профессор лично передал нам

с Максом довольно изрядную сумму денег, которая с лихвой компенсировала все наши недомолвки с заводом удобрений. С той поры завод наш стал работать очень прибыльно и зарплату всегда выдавали своевременно.

Но рассказ мой всё же не об удобрениях. Пришло время, и мы переженились, получили по квартире и частенько заходили друг к другу в гости со своим горячительным и допоздна распевали на все лады песенки про президента и его окружение. Телевидение и Интернет раскрывало нам всё шире глаза на обстановку в стране и в бывших странах социалистического содружества. Мы, как и все наши соседи, а также работники нашего вонючего предприятия до хрипоты спорили о том, когда было жить лучше: при Сталине или при Ельцине, что хорошего и плохого привнесли в нашу жизнь Чубайс с покойным Гайдаром, спорили о том, в какой последовательности будут меняться в Кремле наши лидеры, оставит ли Лукашенко своего младшенького президентом Белоруссии после себя, глубже ли засадит следующий президент Украины Виктора Януковича в тюрьму, то есть переплюнет ли он действия предшественника по отношению к Тимошенко или Янукович успеет слинять из страны и получит другое гражданство. О чём мы только ни спорили в этом далёком от столицы городе. И ещё мы время от времени возвращались к новым чудачествам нашего Максима Жукова. Давно закончились школьные годы, а у Макса время от времени повторялись инциденты, которые всегда были неожиданными и приводили в величайшее изумление наш районный центр.

Ярким летним утром мы вдвоём шли по центральной улице к заводу, смена была последней на этой неделе, предполагалась в субботу легкая прогулка наших семей на речку с изготовлением шашлыков и истреблением некоторого количества спиртосодержащих изделий. Короче, мы предвкушали насыщенный славными событиями следующий день, но не забывали и о том, что сегодня ещё необходимо изрядно потрудиться во славу нашего городского гадюшника. Затем около часа смывать его отвратительные запахи в заводской душевой, а уже после этого лёгкой походкой направиться домой, по дороге налиться чешским пивом «Козел» и купить запасы всякой всячины на завтра. Однако после смены Макс исчез. Никто из ребят не смог мне подсказать, в каком направлении он испарился, и я пошёл домой один весьма опечаленный. Дома Жуков появился только в двенадцатом часу ночи, причём на лбу имел приличный фонарь, а одежда была настолько грязной и местами порванной, что ни мне, ни жене Макса не хватило духу сообщить ему всё, что о нём думаем. Я позвал свою супругу Клаву, и мы вчетвером уселись на кухне у Жуковых, глаза наши были обращены к Максиму, но он долго молчал. Тогда я стукнул кулаком по столу и крикнул:

– Что в рот воды набрал? Выкладывай начистоту, где шлялся, с кем счёты сводил! – надо отметить, что подобное давление чаще всего производило на Макса желаемый эффект, он как-то терялся и раскрывался полностью. Конечно, мы ему никогда не верили, а жена Луша просто-напросто принимала свои личные меры перевоспитания фантазёра – мужа, например, оставляла его без вкушения радостей своего пышного тела минимум на неделю, либо заставляла Макса спать на балконе, закрыв изнутри шпингалеты, отчего ему приходилось справлять малую нужду ночью непосредственно с пятого этажа, на что весь дом уже давно не удивлялся, знали люди, что хозяин верхней квартиры вновь попал в непонятную историю.

– Опять ведь не поверите! – наконец выдохнул Жуков, переводя взгляд с меня на Лушу. Всегда добрая Клава, сочувственно покивала и попросила:

– Ничего! Поверим или нет, говори, открой душу...

Ну, в общем-то ничего необыкновенного на сей раз не произошло. Просто прямо из цеха, где Макс синтезировал самые пахучие компоненты удобрений, его похитили инопланетяне. У нас на Земле это в порядке вещей, мы даже не удивились.

– Страшные были? – заинтересовался я. – Или так себе?

Макс на меня зачумлённо посмотрел и промолчал. Женщины меж тем сразу начали вспоминать, когда и сколько человек уволокли инопланетяне в Америке в прошлом году и сколь-

ким удалось вернуться. Далее Макс уже более нормальным голосом рассказал, как он очутился в компании зелёных человечков в летающей тарелке, как его пытались анализировать и как ему удалось сбежать. Обычная история. Кто такое не слышал?

Вот месяцем раньше Максу удалось внезапно побывать на Кубе и встретиться с очень уже плохим Фиделем Кастро. Фидель передал нам всем большой коммунистический привет и бутылку кубинского рома. Отсутствовал в тот день Жуков более полусуток. Луша вся извелась и то и дело прибегала к нам жаловаться на непутёвого мужа, и мы её каждый раз утешали. Поэтому во время появления мужа Луша уже ничему не удивлялась, поскольку была изрядно навеселе. На следующий день мы вчетвером искушали ром Фиделя, и все помирились.

А ещё годом раньше наш неповторимый приятель побывал на Совете Федерации, когда его впервые вела Матвиенко. От впечатлений того дня Макс был вынужден взять больничный и очень долго переживал за будущее России. Чем его там перепугали – только богу известно, нам он пересказать побоялся. Интересно, что некоторые его вояжи заканчивались совсем неожиданно, хотя непонятно, каким образом он мог влиять на события в стране и в мире. Так после одного исчезновения Жукова был отправлен в отставку губернатор нашего края и через неделю на него завели уголовное дело за крупную взятку – ну, сейчас это с губернаторами в порядке вещей, удивляться тоже нечему! А в другой раз также неожиданно помер олигарх Березовский. Я даже завёл специальную тетрадку, где отмечал хождения нашего героя и проводил аналогии с параллельными событиями. Совершенно мне непонятно, повлияла ли отлучка Макса на международную ситуацию в дни кризиса на Корейском полуострове. Был – с его слов, конечно, – Макс на приеме у японского императора, который явно испугался желания северокорейского лидера сбросить ядерную бомбу на Токио. Однако, после возвращения Жукова к своим удобрениям, корейцы в Пхеньяне занялись срочной подготовкой к посевной, побросав оружие.

Всё-таки самое страшное испытание выпало на нашу долю в последние дни, потому что Максим Жуков после дневного исчезновения два дня назад признался, что встречался с потомками марсиан на Луне в каком-то кратере миллионы лет назад погасшего вулкана, и они ему показали на атласе Солнечной системы необозначенный пока земными астрономами астероид диаметром пятьдесят пять километров, который летит по орбите, пересекающейся с орбитой нашей голубой планеты, к которой я как-то уже очень привык...

Рафаэль Рассказ

Сегодня у Софонова работы не было. Видимо, придётся целый день просидеть в своём закутке на рынке, не получив ни одного заказа. Директор Люблинского рынка знал Михалыча со школьной скамьи, поэтому с полгода назад откликнулся на просьбу выделить небольшой уголок, где бы «одноклассник», которому исполнилось семьдесят лет, мог отремонтировать всякую утварь по просьбе посетителей. Неприметная вывеска над дверью под амбарный замок помогала многим нуждающимся в определённое время приносить для ремонта личные вещи, вышедшие недавно из строя и которые ещё жалко было выбрасывать.

Посидев немного внутри своего пристанища, Софонов вышел и сел у раскрытой двери на захваченный с собой низенький табурет. Было начало осени, небо затянуло лёгкими облаками. Воскресный день, как всегда, сопровождался обилием народа. Но дата полочки на основных предприятиях города ещё не наступила, и без достаточного количества денег у горожан чувствовались проблемы. Люди ходили вдоль торговых рядов и почти ничего не покупали, только присматривались к товарам.

«Хотя бы мобильник принесли в ремонт...» – вздохнул Софонов, подняв глаза к броской надписи над дверью белой краской:

«Специалист широкого профиля выполнит ремонт бытовой техники, электрического инструмента, примет заказ на изготовление ключей к любому замку». Ниже было указано время работы указанного специалиста. В отдельные дни желающих что-то сдать в ремонт находилось достаточно, а иногда, как сегодня – никого.

– Привет, Михалыч! – услышал вдруг Софонов, повернулся на знакомый голос и слегка привстал.

Он увидел редкого в этом месте гостя – своего давнего одноклассника Гришку Васильева, главного человека на рынке, который и помог найти случайную работу.

– Доброго здоровья, Григорий! – пожал протянутую руку Софонов. – Порядок проверяешь?

– Да вот, решил просто пройтись, – директор рынка вынул неначатую пачку сигарет, вскрыл и закурил. Протянул пачку Софонову, но тот отрицательно покачал головой. – У тебя сегодня – пролёт?

– В первый раз, что ли? Но это лучше, чем дома одному торчать.

– Что же, сочувствую. Пойду в свою контору, документы гляну, – кивнул Васильев и удалился.

Уже после полудня Софонов, так снаружи и карауливший желающих сдать ему что-нибудь в ремонт, обратил внимание на медленно идущую мимо невысокую черноволосую женщину с импортной хозяйственной сумкой, изредка поглядывающую на торговые ряды. Не похоже, что она искала что-то очень нужное. Во взгляде женщины Софонов уловил какую-то неуверенность, глаза у неё были красные, будто она только что плакала.

– Эй, хозяйка! – неожиданно для самого себя окликнул незнакомку Софонов. – Вы что ищете? Может быть, нужно починить какую-то вещь для хозяйства?

Женщина сразу остановилась и посмотрела вначале на мастера, затем – на самодельную вывеску над дверью. Выглядела она лет на сорок пять – пятьдесят, одета в неяркую, не привлекающую взгляд, аккуратную одежду. Она присмотрелась к Софонову и негромко спросила:

– Вы ко мне обратились?

– Больше не к кому. Вы ближе всех ко мне подошли, – чуть улыбнувшись, ответил Софонов. Он уже пожалел, что заговорил с женщиной. Чувствовалось, что у той – большие неприятности, а он с простым предложением, типа «мы здесь починяем примусы, вы не к нам, случайно?»...

– А что вам от меня понадобилось? – удивилась брюнетка.

– Да ничего! Я здесь работаю, ремонтирую всякую мелочь, могу электронику, утюг...

– Ах, да! Поняла, вы ищите работу... – она постояла немного, подумала. Потом подошла к Софонову. И он удивился, разглядев теперь, что перед ним стоит весьма привлекательная дама. Привлекательная – для своего возраста. И четверть века назад наверняка имевшая массу поклонников.

– У меня, товарищ, – обратилась она по-стародавнему, – проблема. К тому же – очень большая и неразрешимая.

«Да-да-да! – подумал Софонов. – Оказывается, не только у меня проблемы...». Вслух же он сказал:

– Может быть, вам к врачу? Такие специалисты, как я, только утварь всякую ремонтируют. Или мобильники. Можем телевизор починить, если на дому. А с большими неприятностями врач бы помог. Вы, наверное, нездешняя? Показать вам дорогу в поликлинику? Или в больницу? Здесь недалеко...

– Нездешняя, это точно, – согласилась дама. – Но врач уже пробовал помочь, не вышло...

Софонов не знал, что говорить дальше. Он врачом не был, даже посоветовать в отдельных случаях ничего не смог бы. К тому же врач оказывается уже пытался даме помочь, но без пользы. Разговор явно увял на корню.

Но привлекательная женщина не уходила, она о чём-то думала. Даже заглянула в свою замечательную сумку. Потом взглянула на Софопова и спросила:

– Извините меня! У вас негде присесть?

В комнатке, приспособленной под мастерскую, было тесновато, но Софонов постеснялся отказать чем-то расстроенной женщине. Он взял табуретку и повёл гостью внутрь. Выставил из-за рабочего стола стул со спинкой, сняв с него полотенце, которым вытирал руки после работы, предложил:

– Пожалуйста! Лучшего места у меня нет.

Дама присела, поставив закрытую на молнию сумку на стол. Огляделась. Электрический свет Софонов пока не включал, незачем было. Но через маленькое оконце дневного света просачивалось достаточно для освещения «конуры» специалиста.

– Обращайтесь ко мне по имени, – начала женщина, – меня звать Айлин. Мне столько времени приходится всё это терпеть, что, наверное, могу обратиться к любому. Пусть хотя бы посочувствуют!

Работы у Софопова всё равно не было, решил согласиться посочувствовать.

– Рассказывайте! – решительно махнул он рукой, чуть не задев хрупкую на первый взгляд женщину.

* * *

История жизни незнакомки показалась специалисту настолько грустной – даже немного похожей на его собственную, – что ему стало стыдно за своё первоначальное поведение. Айлин оказалась здесь случайно – проездом, её иномарка находилась на парковке у рынка. Жила она в соседнем городе Белёве и пыталась добраться к народной целительнице в селе Ворожка, находившемся в полсотне километров за Люблинском. Софонов про целительницу слышал, правда, самому посещать её не приходилось. Но люди хвалили эту женщину, некоторым она хорошо помогла, сняла сильные боли. Кто-то даже рассказывал, что бывшему меру города целительница смогла удалить заговором злокачественную опухоль. Скорее всего, привирали. Софонов не очень верил в подобные чудеса.

У привлекательной Айлин сломалась жизнь из-за больного ребёнка. Когда-то она родила, и, хотя с тех пор прошло целых двадцать три года, дочка не ходит с самого появления на свет. Муж не выдержал испытания и бросил семью.

– Мне помогает прислуга по дому и с дочкой. А самой приходится много работать, чтобы содержать дом, машину, платить за уход... – Айлин постепенно успокоилась, на лицо стало приятно смотреть. Оно было ухоженное, привлекательное. – Увидев вас и вашу вывеску над мастерской, я вспомнила детские игрушки, которые покупала когда-то дочери. Она, будучи малым ребёнком, очень любила играть и радовалась каждой новой игрушке. Ну знаете – куклы всякие, погремушки, пирамидки, маски... всего не упомнишь. Я их не выбрасывала, они собраны в отдельном ящике в детской комнате. Лайме было неполных полтора года, когда она простудилась и получила какое-то осложнение, после чего и начались наши неприятности, она долго выздоравливала, а потом перестала нормально развиваться – не пыталась ходить, разговаривать, охладела к игрушкам, и мы перестали их покупать. Кто станет девочке возрастом старше десяти лет всовывать в руки погремушки? Сегодня, стоя перед вами на улице, я подумала, что нужно попробовать сделать для Лаймы какую-то необычную игрушку, выбросить покупные – или отдать чужим детям. Мне показалось, что вы как раз тот человек-золотые руки, который может мне помочь. Я щедро вас вознагражу, мне не жалко для дочери никаких денег! Важно придумать такую вещь, которая настолько сильно заинтересует девочку, что она, наконец, придёт в себя...

Айлин помолчала и добавила:

– Хотя я уже ни во что не верю. Лайму смотрели самые яркие светила нашей медицины, возила её в Германию, угроблено столько средств! Но бедная девочка по-прежнему может только молча переворачиваться на своей постели. За что мне такое наказание бог послал – не знаю...

– А как же целительница? – уточнил Софонов?

– Да, целительница... – спохватилась Айлин. – Я обязательно к ней сегодня доберусь. Везти ребёнка мне медики запретили, я попробую поговорить с Александрой Ивановной, всё объяснить, вот как вам. Возможно, она согласится поехать со мной, чтобы осмотреть Лайму на месте. По телефону мы с ней начали разговор, но условились вначале встретиться. Вот здесь – пониже вывески – той же белой краской выведено: мастер Михалыч. Это про вас?

Софонов кивнул головой:

– Про меня. Михалычем стали называть больше сорока лет назад.

– Так вы можете попробовать выполнить мою просьбу, Михалыч? – Айлин смотрела умоляющим взглядом.

– Отчего же не попробовать? Я в жизни что только не делал. Бывший мой начальник в ремонтном цехе так и сказал про меня: «Михалыч! Руки у тебя растут там, где и положено! Много ты ими добра людям принесёшь!» Часто меня премировал, любил хвалить при всех, в пример ставил. Жалко, что умер рано, хороший мужик был...

– Сколько возьмёте в виде аванса? Ведь что-то придётся купить: инструмент, металл какой-то.

– Мне, Айлин, много не нужно. Инструмента здесь и дома – полно всякого. И материалы имеются. И времени для работы – навалом, сами видите. Сомневаюсь я только, что игрушка дочке вашей поможет. Очень сомневаюсь! А вы деньги хотите тратить... Выйдет из этой затеи что-то путное, тогда и заплатите. Вот здесь запишите для меня свой телефон, я вам позвоню. Причём позвоню в любом случае: или сделал, или ничего не получилось. Это вас устроит? Ну, что вы прослезились? Может, мои руки по-другому расти стали и не получится нужный образец?

* * *

После ухода Айлин специалист Софонов крепко задумался, чем удивить больного, несмышлёного ребёнка, да так, чтобы ему захотелось с игрушкой поиграть? И не просто поиграть, а встать и поиграть! Он вспомнил, что Лайма наверняка уже ростом с него выросла. Вот только по-прежнему осталась несмышлёнышем...

Думал Михалыч с неделю, потом начал перебирать свои материалы. У него дома была забита кладовка всякими деталями, оставшимися при разборке разных вещей: телефонов, миксеров, кофемолок, мясорубок и всего прочего. Даже речевой аппарат от оригинальной старинной куклы где-то завалялся. Он решил использовать пару-тройку микродвигателей, чтобы с помощью батареек, либо аккумуляторов заставить игрушку вести себя, как живая. Для Михалыча задача была несложной. Тяжелее было придумать образ, хотелось его выполнить совсем непохожим на сегодняшние игрушки, купленные в магазине. Девочка – или девушка? – должна удивиться, взглянув на изделие. А взглянув – захотеть с ним повозиться, поиграть, встать для этого с постели...

Собрав через месяц своё изобретение и потратив ещё день на покраску и подбор нестандартного имени. Софонов вначале решил показать его сыну своего соседа по лестничной площадке Ваське. Тому, правда, было только семь лет, недавно в школу пошёл.

– Васёк! – позвал Софонов парня, увидев его с девчонкой на лавке перед подъездом. – Зайдёшь ко мне потом на минуту? Вопрос есть.

Тот зашёл, помахивая портфелем, в квартиру Софопова и устался на большую, чуть ли не в полметра фигуру пластикового Рафаэля, установленного у стены перед проходом в зал. Свет выгодно падал на «живую» куклу. Михалыч сунул руку в карман и включил пульт, Рафаэль медленно переместился вдоль стены к Василию и сказал:

– Тебя звать Васей?

– Да... – оробел сосед.

– А меня – Рафаэль. Хочешь поиграть со мной?

Василия как ветром сдуло. Отец Васи вечером заявился к Софонову и предложил за «живого» Рафаэля две бутылки настоящего французского коньяка.

– Покажи, Михалыч! Васька мой так запал на твоего робота! Где он? Дай одним глазком взглянуть.

И пришлось хозяину квартиры схитрить, чтобы избежать излишних вопросов:

– Петрович! Да я с удовольствием, но уже забрали Рафаэля. Прямо с кишками и аккумуляторами...

С утра Софонов ещё раз погонял по квартире своё изделие, проверил установленную программу. Этот момент был самым важным для дела. Софонов хотел, чтобы говорящая и движущаяся кукла без проблем общалась с больным ребёнком. Программу ему разработал один сильно продвинутый чувак из столичного НИИ. Он находился у своей бабки в очередном отпуске и развлекался целыми днями с девицами из соседнего общежития биохимического техникума. Составить программу ему ничего не стоило, больше того, парень получил от выполненной работы большое удовольствие.

– Если что, Михалыч, ты знаешь, к кому обращаться! – сказал при расставании чувак и оставил свою визитную карточку.

Следующим утром Софонов позвонил Айлин.

– Это Михалыч? – удивилась она. – Вы просто кстати! Надежда всегда остаётся последней, и эта надежда – на вас, Михалыч. В тот день Александра Ивановна со мной поехала, но на полпути заставила отвезти обратно. Сказала, что такие болезни – не её профиль. Может быть, она была права. Кто знает? А какие у вас успехи?

– Айлин! Я приготовил некое маленькое чудо-юдо, оно наверняка отличается от всего, что видели вы и ваша Лайма. Нужно попробовать. Когда вы сможете его забрать?

– Для меня Лайма – это вся жизнь! Через пару часов я сама заберу вас вместе с чудом. Вы сможете сегодня или нет? Вам можно пропустить день на рынке?

– Без проблем...

– Отлично. Пошла я заводить машину. Вы наш Белёв хоть однажды навещали?

Софонов подумал, что такой вариант будет лучше и согласился. Если просто передать мамаше Рафаэля, то ещё неизвестно, сможет ли она запомнить все устные инструкции. Если в чём-то ошибётся, то чистый опыт не получится, всё придётся начинать сначала!

* * *

«Мерседес» без остановки проехал раздвижные ворота и остановился у самого дома. Вначале Софонов подумал, что они добрались к какому-то дворцу заморского принца – настолько замечательно выглядело здание.

– Вам понравилось? – спросила Айлин, когда оба выбрались из машины. – Это главное, что мне с Лаймой оставил муж.

– Неплохо, – сознался Софонов, извлекая с заднего сидения высокую кожаную сумку с упакованным Рафаэлем. – Но наш двенадцатиэтажный дом в Люблинске будет значительно выше.

Входная дверь оказалась не запертой, они прошли сразу на второй этаж в комнату Лаймы. Мимо молча прошла худенькая женщина в светлом халате.

– Моя помощница, – сказала Айлин.

– Это та, которая всё успевает сделать по дому и ещё ухаживает за дочерью?

Айлин не сразу, но ответила:

– Михалыч! Она получает, как директор небольшого предприятия нашего городка. Мне пришлось остановиться на ней, потому что лучшего работника, более доброго к моей Лайме мне не попалось. Свою зарплату она сполна отработывает.

– Кто бы сомневался? – Софонов посмотрел в оба конца длинного коридора.

При входе в комнату первое, что он увидел, были глаза лежащей на постели девушки. Глаза внимательно, с большим ожиданием разглядывали нового человека в доме. Лицо её было прекрасно. Но руки Софонову не понравились, они настолько были худыми, что у него дрогнуло сердце. Ему стало невыносимо жалко двух женщин, находившихся с ним в одной комнате. Сразу вспомнилась собственная трагедия десятилетней давности, после которой Софонов уволился с прекрасной должности в столице, вернулся в городок, где родился и вырос, нашёл работу слесаря-инструментальщика на химическом заводе. В тот печальный год он одновременно потерял двух любимых Алис: жену и взрослую дочь. Трудно забыть тот год, а тем более бессонные ночи в больнице, хмурое лицо хирурга, вышедшего к нему после операции.

– Добрый вечер, Лайма! – проглотив комок в горле, сказал Софонов.

Девушка продолжала смотреть, не шелохнувшись. Айлин подошла к ней, поправила край одеяла:

– Лайма! Я привезла к нам в гости этого чудесного человека, звать его Иван Михайлович. Для тебя – просто дедушка. Он привёз тебе особый подарок – игрушечного робота по имени Рафаэль, которого сделал собственными руками. Думаю, Рафаэль должен тебе понравиться.

Софонов дрожащими руками вскрыл сумку и выставил своё детище, блестящее разными красками на пол. Он тихо произнёс на ухо Айлин:

– Я бы не хотел всё это видеть...

– Понимаю, сама волнуюсь. В комнате установлена видеочка, и мы можем наблюдать продолжение из моего кабинета, он находится рядом.

В этот момент Лайма сместила свой взгляд с лица Софопова на Рафаэля. Ещё у себя в Люблинске – при упаковке изделия в сумку – Софонов установил пульт на автоматику. Мощности аккумуляторов могло хватить примерно на сутки активной работы. Айлин взяла Софопова под руку и повела из комнаты. В модно обставленном уютном кабинете хозяйки они рас-

положились за журнальным столиком, рядом с большим монитором, на котором была только что виденная картина: постель, девушка под одеялом, смотрящая на изготовленную руками гостя занятную фигуру раскрашенной игрушки.

Айлин продолжила разговор с Софоновым:

– Я понимаю, что творится у вас в душе. Наводила о вас справки, и о вашем горе всё знаю. Мне даже не верится: закончить два института, заниматься сложными проблемами для страны, а затем всё бросить и вернуться к своим истокам... На меня не обижайтесь, жизнь научила быть осторожной. И понимаю, что изготовленная вами игрушка не обязана стать целительной, это всего лишь последняя надежда – для меня и в какой-то степени для вас... Ой! Вы видели? – женщина в испуге вскочила с места.

Софонов взгляда от экрана не отрывал и тоже заметил странную вещь: Рафаэль без всякой инициативы со стороны лежащей без движения девушки сделал медленный шаг вперёд, к постели.

– Он ничего не сделает Лайме?

– Спокойно! Всё будет в порядке, игрушка – всегда игрушка и не сможет причинить вреда ребёнку. К тому же она достаточно лёгкая, – Софонов тоном своего голоса остановил готовую броситься к двери Айлин. – Рафаэлю установили программу, которая попытается сблизить его с девушкой. Он приступил к выполнению своей роли, теперь очень важно не вмешиваться.

Лайма по-прежнему не отводила глаз от робота. Рафаэль немного повернул своё туловище, отчего его взгляд встретился с взглядом Лаймы.

– Здравствуй, Лайма! – неожиданно сказал он. – Рафаэль тебя приветствует и желает скорого выздоровления!

– Я заметила, что от удивления дочка вздрогнула, – сообщила Айлин.

«А что? – подумал Софонов. – Всё может произойти. Неожиданности в новой обстановке действуют на больного человека в любом случае. Только неизвестно, в какую сторону. Желательно, чтобы в благоприятную...»

Рафаэль продолжил монолог:

– Мы будем заниматься с тобой каждый день: учиться разговаривать, играть, вставать с постели, одеваться. Я не оставлю тебя до тех пор, пока ты, Лайма, не выздоровеешь полностью! Ты понимаешь, о чём я говорю?

Айлин и Софонов в этот момент замерли, как будто парализованный человек мог действительно что-то ответить роботу. Они заметили, каким напряжённым стал взгляд девушки. Возможно, до неё доходило значение слов «живой» игрушки. Губы Лаймы пошевелились, словно она пыталась дать какой-то сигнал Рафаэлю. Но робот вдруг тихо развернулся и отошёл на несколько шагов от постели, он повернул голову в сторону видеокамеры и сказал своим слегка хриплым голосом – будто для наблюдающих:

– На сегодня – достаточно!

– Михалыч! Посмотрите – Лайма заснула! В это время она спала только в раннем детстве... – Айлин села и протянула руку Софонову.

Они поужинали вдвоём прямо в кабинете. После Софонов попросил подвести его до автобусной остановки, поскольку на следующий день у него было намечено несколько встреч с клиентами.

– Пока моя миссия закончена, Айлин, – спокойно сообщил он хозяйке. – Вам не стоит волноваться. У Рафаэля достаточно сложная программа, он будет контактировать и с вами, и с Лаймой. Даже с прислугой. Как только заметите отклонение от нормального поведения робота – сразу сообщите мне. Тогда договоримся, что дальше надо предпринять. Постарайтесь ежедневно сообщать мне, какое влияние оказывает Рафаэль на девушку. Если появится любой негатив, то, не мешкая, отключите робота с пульта. Сегодня же прочитайте короткую инструкцию, я всё в ней напечатал. Пульт с инструкцией передаю вам.

Айлин по мобильнику вызвала такси, затем открыла ящик стола и спросила:

– Михалыч! Посмотрите, в этом кейсе достаточно денег за услугу?

Софонов открыл лежащий в ящике небольшой кожаный чемоданчик и покачал головой:

– Может, я и долбанутый немного, но столько, уверяю, точно не заслужил. Милая Айлин!

Мы поступим по-другому, – он взял одну пачку денег из кейса. – Этого за работу вполне достаточно. Если всё будет идти, как задумано, если ваша дочь начнёт поправляться, то вы ежемесячно будете перечислять мне на банковскую карту десять тысяч рублей – до полного выздоровления Лаймы. Номер карты я записал на оставленной вам инструкции.

* * *

Софонов никому не рассказывал о больной девочке в Белёве, только чувак-программист как-то зашёл к нему домой и поинтересовался, помогла ли его программа, и обрадовался, узнав про результат. Дела в Белёве шли на удивление прекрасно. Лайма очень медленно, но верно начинала приходить в себя. Однажды Айлин попросила его на такси приехать и самому убедиться:

– Я заплачу таксисту, Михалыч! Приезжай! Это нужно увидеть самому, девочка вчера сама встала с кровати, пытается говорить. Видел бы ты глаза московского профессора Нефёдова! Я не выдержала и сообщила ему. Он приехал через три часа! Всё пытался объяснить происходящее, но, по-моему, сам запутался. Почему не можешь приехать? Милый друг! Не знаю, как тебя благодарить. И ты совсем напрасно заблокировал банковскую карту. Я от этого просто в отчаянии...

За осенью пришла зима, затем наступила весна, после – лето... Мировое время непрерывно старило окружающих Софопова людей, друзья уходили на вечный покой. Он перестал помогать людям ремонтировать вышедшие из строя вещи, отдал ключи от убогого помещения на рынке в руки «одноклассника» Васильева, через несколько месяцев поучаствовал в его похоронах. И сам потихоньку готовился покинуть белый свет. На днях Софонову стукнуло ровно восемьдесят и он отметил юбилей в одиночку, целый день рассматривая фотографии близких родственников. От спиртного Михалыч отказался очень давно, поэтому в восемь часов вечера находился в обычном состоянии «чист, как стёклышко!», когда в домофоне раздался неожиданный звонок.

– Вас слушают! – нетерпеливо буркнул он в микрофон, думая, что наверняка ошиблись номером квартиры. К нему уже много лет никто по вечерам не навещался.

– Мне Михалыч нужен! – услышал Софонов неуверенный голос. Увидеть гостя было невозможно: видеочамера в домофоне давно испортилась, но никому до неё дела не было. – Я и есть Михалыч! Зайдёте?

– Если впустите...

Хозяин нажал кнопку, чтобы дверь в подъезде открылась. Этаж был второй, поэтому ждать пришлось недолго. Софонов раскрыл дверь квартиры и к нему вошла улыбающаяся ослепительная молодая женщина с полной кожаной сумкой. Ему стоило только немного приглядеться.

– Здравствуй, Лайма! – тихо сказал Михалыч и впервые за последние годы жизни заплакал. Он совсем не ожидал, что найдётся кто-то, кому захочется его сегодня поздравить...

Аномалия

Повесть

Капитан Гурский появился в полиции городка Берёзки, что в Пермском крае, как-то неожиданно. Начальником районного УВД после оставившего службу семидесятилетнего Сусекина Ивана Павловича уже все сослуживцы видели малоразговорчивого, сурового на вид и имеющего хорошее чутьё на мелких преступников старшего лейтенанта Колобова. Однако за какую-то провинность – не иначе – из Центра прислали именно Владимира Васильевича Гурского, его представил сотрудникам один из заместителей руководителя областного УВД подполковник Чечёткин. После того, как все разошлись по рабочим местам, Чечёткин попытался вызвать Гурского на откровенный разговор:

– Владимир Васильевич! – сказал он. – Обычно в нашу глушь не особенно норовят попасть из столицы. Может, облегчишь душу, объяснишь, чем провинился? Нам работать вместе, легче общаться будет... – Из кармана Чечёткин вынул плоскую фляжечку и два маленьких металлических стаканчика, а из другого кармана – две сосульные конфетки. Наполнил «напёрстки» хорошим коньяком и протянул один Гурскому.

– Не хочешь каяться – не надо! – добавил он, опрокидывая содержимое своего стаканчика на язык. – Не обижаюсь, у каждого – свои тайны. Думаю, что замочил ты не того, кого надо, чаще всего к нам таких и присылают. Пей за успехи в службе, да я поехал в Пермь.

Гурский, поморщившись, выполнил просьбу начальника, хотя к алкоголю относился резко отрицательно, и проговорил:

– Вы, Константин Ерофеевич, наверное, удивитесь, но я к вам сам попросился. Сильно нравятся места здешние!

Чечёткин удивлённо вскинул густые, как у Брежнева, брови, постоял минуту молча, развернулся и пошёл к двери. Гурский проводил его, как полагается, до служебной машины и дождался, пока она не скрылась за поворотом. И, естественно, он не мог слышать, как через некоторое время подполковник, сидевший рядом с водителем, пробурчал:

– Места ему здешние нравятся! И ещё кривит морду, когда французским коньяком угощают... Не наш человек!

– Что вы сказали? – не расслышал водитель, на что Чечёткин недовольно ответил:

– Ты за дорогой смотри! Разбаловали вас, понимаешь...

Проснувшись ранним утром в одиночном номере гостиницы и поглядев на яркое летнее солнышко в окошке, Гурский быстро вскочил, умылся, побрился, пожевал бутерброд, запивая чаем, и ринулся на службу, благо здание Управления находилось через улицу. Накануне он долго просидел у открытого окна гостиницы, изучая личные дела доставшихся ему сотрудников, а также папки с описанием последних раскрытых и не раскрытых местных преступлений. «Не густо, – думал он, зевая перед сном, – такие преступления и преступлениями называть неудобно. В Москве узнают, чем мне придётся заниматься – засмеют!» Действительно, самое значительное дело состояло в том, что соседка заподозрила соседа в том, что он убил свою жену, расчленил и закопал в огороде. Начитанная оказалась старушка, детективы любит, специальные передачи по телевизору смотрит. Но расследование выявило, что жена соседа сбежала к своему давнему ухажёру в областной город, а сосед закопал в указанном месте испорченные овощи, собранные им в подвале, что и показало вскрытие предполагаемой могилы и исследование действительно весьма запущенного хозяевами подвала.

Гурский порадовался слабой преступности в Берёзках. Теперь он сможет уделять больше времени любимому увлечению, а именно: постарается посетить все места, связанные с посе-

щением пришельцев из космоса. Согласно средствам массовой информации в Пермском крае таких мест не перечислить. С самого детства Вова Гурский был ярким сторонником инопланетного объяснения всех проявлений НЛО на Земле. Он этим грезил. Правда, отец, угрожая ремнём, заставил его всё-таки закончить школу и поступить в милицейское училище, так как сам всю свою сознательную жизнь прослужил рядовым милиционером и принёс много пользы в столице. Отсутствие достаточного образования не позволило Василию Гурскому стать во главе какого-нибудь отдела в милиции, но он поклялся, что добьётся этого от сына. Сын же, хотя и неплохо начал службу в том же отделении, что и старший Гурский, но увлечение неопознанными объектами помешало ему в карьере. Сорвав последнюю операцию по обезвреживанию с большим трудом выслеженных членов бандитской группировки под Москвой из-за появившегося на небе яркого неизвестного свечения, Владимир Гурский изведаль сильный гнев начальника Главного Управления, после чего тот лично решил заняться «этим фантазёром». Он вызвал Гурского к себе и заявил:

– Наше терпение, Владимир Васильевич, иссякло! Мне очень жаль твоего покойного ныне батюшку, я его сильно уважал за долгий безупречный труд и, вручая орден за заслуги перед Родиной, обещал принять посильное участие в твоей судьбе. Но всякие там глупые увлечения небесными происшествиями не должны вредить основному делу. Кончено! Подобрал я тебе местечко под Пермью. Там ушёл на пенсию начальник районного управления, район тихий, а НЛО в Перми до едреней фени развелось. Поработаешь пару годков, может быть, и поумнеешь. Ты ещё холостой, времени у тебя впереди – пропасть. До конца службу поймаешь – тогда и верну тебя в столицу. А теперь: кругом марш! Документы на перевод возьмёшь в канцелярии...

Вспоминая тот разговор на пути к Управлению, Гурский мысленно радовался, что очутился именно здесь, в зоне аномальных явлений. Теперь он знает, как проводить своё свободное время. Он обязательно выведет этих пришельцев на чистую воду!

Зайдя в кабинет, Гурский вызвал последнего из сотрудников Управления, который накануне отсутствовал и не участвовал в представлении, устроенным Чечёткиным. Через пару минут в дверь робко постучали, и Гурский крикнул:

– Входите! – В этот момент он просматривал ночной отчёт дежурного по Управлению и после того, как дверь приоткрылась, взглянул на вошедшего. Ничего подобного капитан увидеть не ожидал. Тем более в этой российской глуши. У него даже дыхание перехватило.

– Присаживайтесь... – неуверенно произнёс он, пытаясь совладать с предательским комком в горле. Девушка присела на краешек самого дальнего от Гурского стула.

Просматривая личные дела вчера в гостинице, Гурский видел фотографию этого сотрудника, но то фото разительно отличалось от оригинала. Перед начальником Управления находилась очень привлекательная девушка, может быть, самая красивая из встреченных ему до сих пор!

– Что вы здесь делаете? – вынужден был в изумлении спросить Гурский, не зная, как начать разговор.

– В каком смысле? – тихо спросила младший лейтенант Лыскова.

– Разве вы должны заниматься грязными мелочными полицейскими делами? – продолжая недоумевать, уточнил капитан. – Ведь ваше место – на подиуме, на экране телевизора, в театре, в конце концов...

Девушка виновато опустила голову. Потом вновь посмотрела на Гурского:

– Вот и вы тоже, – опять тихо произнесла она, – такой же, как все. Где вы видели артисток с противной фамилией Лыскова, да ещё заикающихся на каждом шагу?

Капитан сразу остыл:

– Так вы потому и говорите тихо, что боитесь заикаться? – спросил он. На что она только кивнула головой.

– И это у вас с детства?

– Д-да... – наконец показала свой недостаток речи Виктория.

– Так это хорошо, – обрадовался не к месту Гурский. – Будем вместе бандитов ловить. Лыскова печально обвела взглядом кабинет и предложила неуверенным голосом:

– Вам бы здесь осве-ежающий ремонт заказать.

Гурский огляделся и был вынужден согласиться с предложением, так как комната начальника явно не соответствовала критериям опрятности. Ушедший на пенсию Сусекин давно не наводил здесь порядка, только развесистый фикус на подоконнике оживлял обстановку, да вызванный для знакомства младший лейтенант.

Целый день Гурский заглядывал в кабинеты подчинённых, уточнял их последние задания и поручения, изучал вывешенные в коридоре объявления, вновь просматривал незаконченные дела. Перед окончанием рабочего дня он посетил и Лыскову. Увидев капитана, девушка мило улыбнулась и сообщила, что с завтрашнего дня у него начнут ремонт.

– Я обо всём до-оговорилась с Люсей, – добавила она, – за два дня ре-емонт закончат. Ребята завтра по-омогут мебель в середину пе-ередвинуть, и Люся зайдёт с бригадой.

– А что за Люся? – уточнил на всякий случай Гурский.

– Мастер с районного стро-оительного управления. Мы-ы к ней уже да-авно не обра-ались.

Капитан удовлетворённо кивнул головой, а затем неожиданно для себя спросил:

– У вас тут в Пермском крае – по слухам – много неопознанных объектов летает? Вы что-нибудь об этом знаете, Виктория Ивановна?

Младший лейтенант медленно подошла к окну и показала куда-то вверх пальцем:

– Что есть, то есть! Во-от посмотрите, какой объект за-авис над Управлением...

Гурский чуть было не подпрыгнул от этих слов. Он моментально подскочил к окну и вгляделся в окружающую местность. Однако ничего подозрительного, к своему сожалению, не заметил.

– Вы его не видите? – удивилась Виктория. Капитан вновь вгляделся в светлое летнее небо за окном. И вдруг... Где-то в нескольких километрах над землёй плыло светлое облако, идеально напоминающее тарелку пришельцев, какой её изображают иностранные журналы. В тот момент, когда Гурский моргнул, облако неожиданно бесследно исчезло, будто его и не было вовсе. Капитан даже глаза протёр.

– Такое у на-ас вы повстречаете не однажды, – пояснила Лыскова. И снова улыбнулась, как будто фокус начальнику показала.

Не зная, что об этом и думать, капитан повернулся и пошёл прибираться в свой кабинет. Пока он собирал разбросанные в беспорядке папки в центр стола, с тихим стуком вошла Виктория со словами:

– Я вам помогу...

Вместе они навели порядок в документах к завтрашнему приходу ремонтной бригады. Затем Гурский осмелился пригласить девушку куда-нибудь поужинать. Она была слишком красива для здешних мест, и в своём приглашении он тоже допустил два заикания – так волновался. Владимир Васильевич в целом равнодушно относился к женскому полу, поэтому и был пока холост. В то же время он точно знал из личного дела, что и Лыскова была не замужем.

– Капитан, я чувствую, что вы влю-юбились в меня! – внезапно заявила девушка и сразу поправилась. – Не обращайтесь внимания на эти слова. Просто это моя беда, что в ме-еня все влюбляются, но, правда, к со-ожалению, никто не со-ознаётся.

– А как вы тогда понимаете...?

– Что в меня влю-юбились? Так это очень просто, по му-ужчине это сразу заметно, н-не ошибёшься...

– И что бывает потом? – автоматически спросил Гурский.

– Совсем ничего... – созналась Виктория. – За-аик обычно сразу за-абыают.

– Ну, я-то не забуду, нам долго вместе работать, как ни как, – почему-то уверенно возразил Гурский.

– Тогда я предла-агаю поехать ко мне домой, и там мы по-оужинаем. А затем вы вернетесь в го-остиницу.

– Если это удобно, я – с удовольствием!

Гурскому и самому не хотелось бы светиться в каком-то кафе с сотрудницей. Да и поесть в домашних условиях у него давно уже не получалось – сам он готовить не научился, а свою мать, естественно, оставил в Москве.

Они вышли из Управления и сели в старенькие потрёпанные «Жигули» младшего лейтенанта. В салоне было на удивление чисто, будто машину только что выпустили с конвейера. Водила Лыскова лихо, и, набравшись смелости, а также на правах старшего, Гурский спросил:

– Имеет ли смысл так гнать эту развалюху? Не за пришельцами же гонимся?

Лыскова сразу снизила обороты двигателя и поинтересовалась:

– Вы о-опасаетесь скорости? Или просто читите ПДД?

– Так развалиться же может! Да и ПДД не напрасно сочинили...

– Не ска-ажите! – возразила девушка. – Мы с моей ласточкой сто-олько преступников задержали! И всё благодаря её ма-анёвренности, скорости, выносливости.

– И где вы ремонтируетесь, когда выносливость всё-таки резко снижается?

– Сама и ремо-онтирую, – просто ответила дефектная красавица, – я сама её всю на части ра-азбирала и со-обирала. Не верите? Давайте откро-оим капот, и вы сами убедитесь, что я отлично ра-азбираюсь...

– Верю! – успел крикнуть капитан, заметив, что Лыскова готовится затормозить.

Надув губки, девушка упрямо заявила:

– Всё равно вы убе-едитесь в том, что я права...

Через минуту она всё-таки остановила автомобиль, и Гурский понял, что они добрались до цели. Солнышко ещё было достаточно высоко, освещая двухэтажный особняк, стоявший на краю города и обнесённый вокруг широким травяным газоном. Около дорожки, ведущей к входу, параллельно тянулись ряды ярких цветов. Таких цветов Гурский в своей жизни ещё не встречал, но уточнить их название постеснялся.

– Про-оходите в дом, – сказала Виктория, – я только одну вещь про-оверю. – И она, раскрыв капот, наполовину исчезла внутри машины. Капитан, не разбиравшийся в автомобильной технике и водивший в Москве только новенький «Форд», пожал плечами и пошёл к дому. Двери оказались открыты, и здесь ему стало неловко от того, что он не знал, с кем живёт девушка, кто встретит его внутри. Однако в просторном прохладном вестибюле была тишина и спокойствие, никто капитана не встретил. Понимая, что одному напролом идти не стоит, что это невежливо, Гурский вновь вышел на свежий воздух. Навстречу уже спешила Лыскова.

– Хорошо, что про-оверила, – сказала она. – Датчик холо-остого хода сдох. После ужина заменю. А что вы не про-оходите в гостиную? Стесняетесь... Там только мои родители, они очень гостеприимные люди и вам по-онравятся, проходите.

Они дальше уже шли вдвоём и из вестибюля попали сразу в большое помещение гостиной с огромными окнами, где находилось два человека.

– Здравствуйте! – вежливо произнёс капитан, увидев пару ещё не старых людей. Мужчина в джинсах и легкомысленной цветастой рубашке сидел за роялем, а рядом с ним стояла невысокая женщина, красоту которой, видимо, унаследовала Виктория. На кресле в дальнем углу комнаты в дрёме развалился огромный чёрный кот.

Родители Виктории приветливо улыбнулись и поздоровались в ответ. Они представились Гурскому, и ему показалось, что ничего удивительного в его появлении для них не было.

– Вы, молодые люди, пришли весьма своевременно, – сказала Анна Петровна. – У нас с мужем возник небольшой спор относительно одной старинной мелодии. Он играет на слух, а слух у него – от бога, любую мелодию может сразу повторить. Жизнь сложилась так, что музыкантом он не стал, но с музыкальным инструментом, оставшимся от своего деда, расставаться не захотел. Иногда садится к роялю и исполняет какой-нибудь отрывок из классического произведения. Вам, Владимир Васильевич, наша дочка уже об этом, верно, сообщила?

– Нет, – признался Гурский, – ни о чём таком мы ещё не успели поговорить. К сожалению, меня знатоком классической музыки назвать нельзя и, наверное, ваш спор не решу. Надеюсь, Виктория поможет? – он поискал Викторию глазами, но не нашёл её в гостиной, видимо, она пошла готовить ужин.

– У дочки музыкальный слух совсем отсутствует, – с сожалением констатировала Анна Петровна. – Поэтому с музыкой на сегодня покончено. Иван! Пойдём, покажем гостю нашу картинную галерею.

Иван Захарович нехотя поднялся от рояля, и они пошли на второй этаж, где Гурский, к своему удивлению, нашёл вывешенными на стенах несколько великолепных полотен старых русских художников: Репина, Брюллова, Левитана, Айвазовского и других. В помещении было примерно три десятка картин. Спрашивать, есть ли среди них подлинники, капитан не решился. Сам он был любителем русской живописи, поэтому галерею с удовольствием осмотрел. Иван Захарович, заметив интерес Гурского, немного оттаял и подробно рассказал, каким образом ему удалось собрать такие качественные копии. Анны Петровны с ними уже не было, она пошла на кухню – помогать дочери.

– Я очень доволен знакомству с вами, Владимир. Вы не возражаете, если буду так к вам обращаться?

– Конечно, без проблем! – ответил Гурский. – И много людей ходит к вам смотреть эти прекрасные полотна?

– Полноте, мой друг! – отмахнулся Иван Захарович. – Близких знакомых у меня здесь нет, а посторонних мы не приглашаем. Честно говоря, я рад за Викторию, что она вас привела. Даже не могу представить, что подвигло её на такой подвиг... Она у нас – очень замкнутая, вы, наверное, понимаете, с чем это связано. Единственный ребёнок в семье... Что мы только не делали, к кому не обращались, однако дефект речи остался с самого детства. А ведь какая красавица!

– Да, я обратил внимание, что Виктория Ивановна весьма эффектно выглядит, – добавил Гурский. – С такими данными...

– Даже ничего больше не говорите! Для нас с Анной это большая беда. У нас была съёмочная группа, сериал снимали в окрестностях про нашу глухомань. Режиссёр заинтересовался Викой, но – как говорится – не судьба, отказался с ней работать. Три года назад это было.

Иван Захарович помолчал немного и предложил спуститься в столовую:

– Думаю, женщины уже всё приготовили.

Очарованный красотой младшего лейтенанта, к тому же сытый после ужина, Гурский попросил Викторию не очень быстро везти его обратно.

– Очень хорошо провёл вечер, – сказал он, выходя из «Жигулёнка» у своей гостиницы. – Ещё раз от меня поблагодарите родителей. Надеюсь, ночь пройдёт тихо и никакие происшествия не лишат нас с вами хорошего отдыха. До утренней встречи, Вика!

Ещё около получаса прогуливался в одиночку капитан вдоль улицы, переваривая сегодняшний день. Как-то внезапно его осенило, что если бы не дефект речи у Виктории, то он никогда бы её не встретил. И Гурский решил подумать на досуге, как можно девушке помочь, посмотреть определённые сайты в Интернете, позвонить своему другу Сергею в Москву. Сер-

гей Драгунский работал в одной из известных столичных клиник, а когда-то они жили в одном подъезде.

На небе стали появляться звёзды, из-за забора частного дома, примыкающего к гостинице, капитана неожиданно облаяла невидимая в темноте собака. Гурский чертыхнулся и пошёл спать.

Утром дежурный по Управлению ознакомил Гурского с происшествиями за ночь. Ничего криминального на первый взгляд капитан не обнаружил, но поручил старшему лейтенанту Колобову проверить подробнее все рапорты с мест и доложить о наиболее существенном. Сам же он закончил подготовку кабинета, начатую вчера, забрал самые необходимые документы в кабинет Лысковой, где решил перекантоваться временно до окончания ремонта. В Управление уже пришли маляры во главе с Людмилой Зайцевой, которая сразу заметила отличие нового начальника от старого и несколько раз подходила к нему по пустяшному поводу. Внимательная Лыскова не преминула предупредить Гурского, что Зайцева давно не живёт с мужем и сейчас очень конкретно начинает охмурять Владимира Васильевича.

– Прошу вас, не по-отдавайтесь её чарам! – твёрдо выразила свою позицию девушка, заботливо приготовившая второй рабочий стол в своём кабинете для капитана.

– Хорошо, не буду, – рассеянно произнёс в ответ Гурский, изучая материалы, подготовленные накануне.

Виктория очень серьёзно посматривала на работающего капитана, печатая очередной отчёт, только однажды вышла проверить, как идёт ремонт. В коридоре насквозь прокуренные лейтенанты Яицкий и Лысенко остановили её и прямо спросили:

– Вика! У тебя никак роман с новым начальником?

– Вот именно, что ни-икак! – отрезала девушка. – Почему ку-урите здесь? Ведь определились же, что делать это будете то-олько в туалете, либо на улице...

Лейтенанты многозначительно переглянулись, зашущукались и друг за другом потянулись на свежий воздух.

Когда мастер Зайцева в очередной раз заглянула к капитану и уточнила, какой цвет обоев ему больше «импонирует», Виктория решительно вывела её из кабинета и передала листок с отпечатанными ответами на все вопросы, которые могут возникнуть у Зайцевой в период ремонта. И добавила:

– Люся! Тебе не со-овестно отрывать капитана от работы? Всего-то одна не-ебольшая комната, а ты уже пя-ятнадцатый раз заходишь с ме-елочными вопросами!

– Совсем не мелочной, а важный, можно сказать – жизненный – вопрос! – возразила Люся. – И зашла-то всего третий раз... Ты, Вика, наверное, сама глаз на начальника своего положила, так что ли?

Лыскова гордо прошла мимо, добавив:

– Все вопросы по ремонту – ко мне! А то поссоримся...

Зайцева недовольно фыркнула, поговорила со своими рабочими и нехотя покинула Управление.

Уже через день Гурский вернулся в свой пахнувший мелом и краской отремонтированный кабинет и продолжал изучать старые нераскрытые дела отдела. Таких насчитывалось ровно десять. Капитана в них интересовал только один момент: нет ли в них связи с НЛЮ? Ведь ясно, как день – происшествия, инициированные пришельцами, раскрыть земными методами невозможно. Кроме документов отдела, Гурский интересовался местной газетой, где время от времени печатались сообщения с мест о всяких таинственных неземных проявлениях. Особенно он изучил подобные материалы из газеты за те дни, когда имели место нераскрытые полицейскими преступления. Все экземпляры местной газеты «Жизнь в Берёзках» были аккуратно

подшиты младшим лейтенантом, которая тоже сильно увлекалась аномальными явлениями в своей Пермской области и следила за подобными публикациями. Здесь интересы капитана и Вики совпадали полностью. И вообще, Гурский постепенно попал под влияние внимательных заботливых глаз Лысковой, но боялся, что она вновь пригласит его домой вечером. Этого нельзя было допустить, потому что сотрудники могли не так понять капитана, снизить дисциплину труда до недопустимого в полиции уровня. Слишком мало прошло времени с начала его командования Управлением, нужно было пример показывать, а не на красивые глазки подчинённой заглядываться. Гурский в Москве много видел аналогичных ситуаций, и все они заканчивались печально для перспективного роста работников. Но, к сожалению, Виктория не выходила у него из ума, как бы занят он не был. И когда Гурский в обед закрылся в кабинете, чтобы перекусить чаем с бутербродом, и затем задремал на несколько минут, ему приснился замечательный сон, как он приводит в свою московскую квартиру Викторию и знакомит со своей матерью, причём Вика разговаривает в этом необыкновенном сне, совершенно не заикаясь! Гурскому стало так удивительно, что он сразу проснулся и услышал настойчивый стук в дверь. У двери стояла Люся Зайцева, пришлось капитану пригласить её зайти и выслушать.

– Извините, Владимир Васильевич! Наверное, у вас ещё перерыв, но мне хотелось проверить качество работы наших людей. Вы довольны ремонтом?

Автоматически Гурский взглянул на часы и подумал, что ему было бы значительно приятнее, если бы его разбудила Виктория.

– Спасибо, Людмила! – сказал он. – Мне всё понравилось, не беспокойтесь. А то, что вы меня разбудили – это хорошо, мне срочно к Виктории Ивановне зайти нужно... – и он проводил мастера РСУ до выхода. Люся удалилась с недовольной миной.

Вернувшись в кабинет и пользуясь оставшимся временем, Гурский просмотрел несколько статей в Интернете по излечению от заикания, но толком ничего не понял. После обеда он вызвал Колобова и попросил его рассказать про те десять заинтересовавших его нераскрытых дел. Николай Николаевич внешне не показывал, что расстроен несостоявшимся повышением, он кратко, но понятно доложил по интересующим капитана делам, а заодно добавил, что утренняя сводка была им тщательно проверена, необходимости принимать к кому-нибудь административное взыскание не имеет смысла.

– Спасибо! – поблагодарил Гурский Колобова. – И всё-таки, Николай Николаевич, не было ли в прошлых делах – хоть в одном – моментов, показавшихся вам чересчур невероятных с человеческой точки зрения? Вы здесь работаете долго и могли бы что-то заметить необычное. Кстати, хочу вас заверить, что ваша работа, на мой взгляд, заслуживает очень высокой оценки, знайте – но это только между нами – я в этом городе не задержусь, у меня совершенно другие планы.

Колобов как-то повеселел, приосанился. И откровенно заявил:

– У нас, Владимир Васильевич, как вы наверняка знаете из печати, вообще всякая чертовщина творится. Все эти аномальные зоны, как я считаю, выдумки местных фантазёров, которые не хотят отставать от американских. У них там якобы в 1947 году тарелка пришельцев о землю брякнулась, а затем пошло и поехало. Весь мир подхватил! За этим стоят хорошие деньги, потому что любой капиталистический рассказчик и слова не скажет бесплатно, а за гонорар – такое наплетёт! Да и понятно: за приличные бабки можно десятилетиями не работать, а только сочинять! И занимаются этим те, кто от работы отлынивает, бездельники всякие. И у нас в Пермском крае таких достаточно, даже, возможно, их здесь скопилось больше, чем в других странах мира, давно Америку обогнали! Нет бы в производительности труда, так они в болтовне пустопорожней обогнали... А если вернуться к тем нераскрытым делам, прямо скажу, Владимир Васильевич, все они шиты белыми нитками. Сами посудите, как можно было раскрыть прошлогоднее преступление, в результате которого исчезли три мужика с дачи? Они там собрались на выходные шашлыков поесть на природе, водки набрали. Кстати, как это ни

удивительно, но водка осталась цела! И в тот день очевидцы наблюдали огромный красный шар, зависший над дачным посёлком, отчего все пришли к мысли, что эту тройцу пришельцы забрали с собой. А на кой ляд пришельцам эти пьянчужки понадобились? Кровь проспиртована, работники никакие – сам уточнял на предприятии, в деле справка подшита.

– Вот как вы считаете? – растерялся капитан. – А если их тоже закопали? – вспомнил он разборки соседей и продвинутую старушку из старого отчёта.

– Исключено! – твердо заявил Колобов. – С них взять нечего, голытьба! Кого там закапывать? Хотя, конечно, земли свободной у нас много... Тут можно и другое предположить: поехали мужики на заработки в беспокойные страны, где человеку, хоть немного умеющему держать в руках оружие, приличные деньги дают. На Украину, например... А что? Это предположение мы не прорабатывали. Если вы не возражаете, то завтра возьму Лысенко, и мы с ним по домам пройдем, навестим жён, родственников, может, что-нибудь в этом смысле наклюнется.

– Не возражаю, Николай Николаевич, – разрешил Гурский, у которого мнение старшего лейтенанта насчёт аномальных явлений разрушило некоторые стереотипы.

Посидев немного в одиночестве и обдумав сказанное Колобовым, Гурский вызвал Лыскову.

– Виктория Ивановна! – начал он. – Мой заместитель – старший лейтенант Колобов – почему-то категорически не верит в существование аномальных зон в здешних краях. Вы не можете что-нибудь пояснить по этому вопросу? Ведь везде же чёрным по белому написано...

– По-озвольте, Владимир Васильевич, пре-ервать вас! – твёрдо заявила Лыскова. – Колобов – весьма странная личность. У меня, и даже у Яицкого с Лысенко, иногда возникает подозрение, что Николай Николаевич играет на руку пришельцам, отводит нам, так сказать, глаза. Может, он ими к нам в Управление нарочно заслан, как вы думаете?

Гурский испытал нечто вроде шока, как в тот день, когда увидел, что в небе моментально исчезла облачная тарелка.

– Так вы считаете, что Колобов – сам пришелец? – в изумлении спросил он. – Да разве такое возможно?

– У нас в Перми всё возможно! – подтвердила Виктория, затем как бы ненароком спросила: – Ну, хорошо, старлей старлеем, а как насчёт прогулки по берегу вечером? На ужин больше приходите не со-оглашаетесь, так хо-оть погуляем вечерком. Я по-остараюсь молчать по-обольше, чтобы вам кайфовее было. Кстати, родители велели привет передать...

– За привет спасибо, им тоже передайте. И вправду – давайте по берегу пройдемся сегодня, что-то у меня от ваших дел голова кругом идёт. Вы сегодняшней номер местной газеты не анализировали? Нет там чего-нибудь такого?

Лыскова вынула из папки, с которой всегда ходила по Управлению, свежую газету и протянула Гурскому:

– Опять красный шар над дачами летал вчера в полночь. Как они успели материал в печать сдать, удивляюсь!

Гурский немного испугался:

– А никто не исчез? Как в том незавершённом деле?

– По-ока неизвестно, – сообщила Виктория, – такое выясняется значительно позже, когда людей родственники искать начинают. Так я пошла к себе?

– Да, вы пока мне не нужны. Время прогулки с восьми до девяти вас устроит?

– В восемь заеду за вами к гостинице, – сказала Лыскова и вышла.

Из двери гостиницы Гурский выскочил ровно в двадцать ноль-ноль. Но «двенашка» прибыла, видимо, значительно раньше, потому что Лыскова нервно прохаживалась около неё и поглядывала на часы, установленные на фасаде гостиницы.

– Разве я опоздал? – удивился капитан.

– Все нет, мне не со-овсем комфортно по другому по-оводу, – заявила Вика, присаживаясь на водительское сидение.

Гурский забрался с другой стороны и уточнил:

– Это по какому же?

– Странно, что вы не обра-ащаете внимания! Посмотрите на окна го-остиницы...

Выглянув из машины, Гурский заметил, что почти во всех окнах трёхэтажного здания на них глазели по две, а то и по три пары любопытных глаз.

– Вот так всегда, – пояснила Вика, – где то-олько ни появлюсь, всегда та-аращаются. Они там – за окнами – нездешние и не знают, что я си-ильно заикаюсь! Самой про-отивно...

Капитану стало неловко, как будто он лично был виноват в недостатке речи подчинённой. Для разрядки ситуации он решил сделать девушке комплимент:

– Виктория, давно хотел сказать, что вы значительно красивее многих звёзд Голливуда.

А на взгляды из окон внимание просто не обращайтесь, берегите нервы.

– А кого из звёзд Го-олливуда вы знаете? – заинтересовалась Лыскова.

– Да не очень многих, – растерялся капитан. – Точнее, я их не знаю, только в кинофильмах видел. Ванессу Паради, например. Или Робин Райт. Джоли часто в главных ролях снимается...

Лыскова покачала головой:

– Не со-овсем удачные примеры вы-ыбрали, Владимир Ва-асильевич! Ро-обин Райт несчастна, потому что её бро-осил с двумя детьми Шон Пен. Хорошо, что хоть Шарлиз Терон да-ала отлуп этому любителю зна-аменитых женщин. А Ва-анессу оставил Джонни Депп, и то-оже с парой детишек, не хо-отела бы я оказаться на её месте. Про Анжелину Джоли и го-оворить не хо-очется: пятый десяток пошёл, детей усыновила и ро-одила целую кучу, общественной ра-аботы набрала уйму и ра-азъезжает по Африке по-остоянно, с Бредом Питом связалась и ни ему жизни не дает, ни у са-амой времени нет, не говорю уже о её бо-орьбе со всякими бо-олезнями, из-за которых прихо-одится то грудь отрезать, то еще что-то. Как ва-ам такая жизнь? – пытливо посмотрела Вика на капитана.

Гурский был ошеломлён кучей новых неизвестных ему сведений об упомянутых им актрисах и не знал, как ответить. К тому же выслушать такую длинную тираду от заикающейся, хотя и красивой девушки походило на пытку. Поэтому ограничился нервным замечанием:

– Виктория Ивановна! Вы же мне обещали днем, что на прогулке будете мало разговари-ривать!

– Извините! Я счи-итала, что мало будем разго-оваривать, когда до-оберёмся до до-орожки у реки и выйдем по-огулять...

Гурский молчал, не зная, как смягчить своё замечание. Виктория добавила, подумав:

– Если бы вы зна-али, как непро-осто встречать мно-ожество зна-акомых и незна-акомых людей, которые по со-овету других пы-ытаются найти ме-еня только для того, что-обы разгля-деть по-олучше! В наше Упра-авление по несколько де-есятков мужчин прихо-одит без при-ичины, чтобы по ошибке в мой ка-абинет заглянуть! Иногда хо-очется уво-олиться и сидеть в одиночестве дома...

Лыскова остановила машину, они вышли и пошли по узкой посыпанной гранитным щебнем тропинке вдоль речки Сылва, притока Камы. Здесь оказалось хорошее место для тихой прогулки, и народу почти не было. Может быть, из-за позднего времени и напряжённого рабочего дня у граждан города.

– Знаете, Владимир Васильевич! – тихо, очень стараясь не заикаться, сказала Виктория. – Я решила сменить фа-амилию, закон не запрещает.

– И на какую же? – любопытствовал Гурский.

– На Любимову.

– Это, как у знаменитого режиссёра?

– Точно. Всё равно она ему теперь не нужна...

– Почему не нужна?

– Он умер не-давно. Почему вы там в Мо-оскве ничего не знаете? – улыбнувшись своей очаровательной улыбкой спросила Вика. И добавила:

– Буду Викто-орией Любимовой. Нравится?

– Мне и Лыскова нравится... Как только замуж выйдете, то и смените фамилию, – рассеянно сказал капитан. – Мне сейчас про красный шар думается. Обычно ведь в Молебской аномальной зоне фиолетовые шары появлялись, а про красные никто не писал.

– Были и кра-асные, – подтвердила Вика, – всякие были. А в пе-ечати действительно только фиолетовые упо-оминали. Владимир Васильевич! Вы сейчас сказали, что всё равно я сменю фамилию... А на ка-акую лучше сменить?

Капитан подумал и сказал первое, что пришло в голову:

– Например, на Гурскую!

Лицо девушки вновь расцвело улыбкой, и она произнесла:

– Виктория Гурская! То-оже звучит неплохо. Так вы мне предло-ожение делаете?

– Виктория! Нам пора возвращаться, – замял ответ Гурский и потянул её за руку к машине. Лыскова молча повиновалась и больше не разговаривала до самой гостиницы, только слова «До завтра!» у неё хватило сил произнести при расставании.

В номере гостиницы Гурский, используя ноутбук, перерыл свой архив аномальных явлений. Вновь перелистал сайты, касающиеся Пермского края. Затем позвонил дежурному в Управление и уточнил, нет ли новостей с тех самых дач, которые накрыл красный шар.

– Спите спокойно, Владимир Васильевич! – ответил дежурный. – Обычно вечером и ночью у нас жмуриков не находят, если только к утру объявятся! Не волнуйтесь вы так...

Капитан спал совсем плохо. Ему снились кошмарные сны: то внезапно исчезнувшие полотна из коллекции дома Лысковых, то красные шары, заполонившие всё небо над Берёзками, то красавица Вика, у которой без внешней причины стал усиливаться эффект заикания, а строгий подполковник Чечёткин запретил держать в органах МВД людей с неразборчивой речью. В пять утра Гурский вскочил с постели и больше не спал. Особенно он расстроился из-за приснившегося Чечёткина. И как нарочно подполковник позвонил по мобильнику перед самым выходом на работу:

– Как там у вас дела, молодой человек? – спросил он. – Опять, я слышал, красные шары появились?

– Есть такое дело! – доложил капитан. – Но происшествий, связанных с ними, пока не зарегистрировано.

– Ну-ну! – недовольно произнесло начальство и прервало разговор. Гурский ещё во время своего представления понял, что Чечёткину он не понравился, поэтому и на сегодняшнее «Ну-ну» он особого внимания не обратил и быстро устремился из гостиницы.

В первую очередь он вызвал своего боевого зама Колобова вместе с лейтенантом Лысенко и попросил доложить о дополнительном расследовании старого дела об исчезновении троих мужчин с дачи. Оба явились одновременно, причём в руках у Колобова находилась пухлая папка, заведённая по этому делу первоначально. Оба выглядели несколько растерянными.

– Владимир Васильевич! Разрешите доложить, что пропавшие нашлись! – чуть ли не выкрикнул свежую новость Николай Николаевич. У капитана чуть глаза на лоб не выскочили.

– Те, которые с дачи? – на всякий случай уточнил он.

– Так точно! – отчеканил Лысенко.

Гурский попросил:

– А теперь медленно и подробнее. И присядьте, пожалуйста.

– Спасибо, Сусекин-то нас никогда не сажал, по стойке «смирно» ему всё докладывали.

Подробнее расскажет лейтенант, – заявил Колобов, когда они расположились за столом, – он смотался с утра до дачного посёлка и там всех обнаружил.

– А зачем вам понадобилось с утра к дачам податься? – заинтересовался капитан.

– Так ведь меня попросила об этом Вика, – не спеша начал Лысенко. – Точно разговор не передам, это нужно сначала сильно заикаться научиться, но если вкратце, то она пришла пораньше и попросила добраться на служебке к дачам, так как вчера там опять красный шар объявился. Сама, говорит, не могу, потому что «Жигуль» сломался, пришлось такси вызывать, только вечером машину налажу, а ты, Серёжа, возьми-ка служебную семёрочку и дуй на ту самую дачу. Чует, мол, её сердце, что там ещё что-то произошло! Приехал я, значит, в посёлок, нашёл дачу, заглянул в окна, а там те самые мужики-алкаши на кроватях дрыхнут! У меня тоже, как и у вас, Владимир Васильевич, глаза чуть из орбит не повылазили... Постучал я в окно, они нехотя проснулись, удивлённо так по сторонам стали озираться, а затем водку искать. Родня-то тот раз все бутылки экспроприировала. Стал я их опрашивать – ничего не помнят! Порадокс времени какой-то получился: у ребят год из жизни исчез!

– И где они сейчас? – спросил Гурский.

– У меня в кабинете, – ответил Колобов, – лейтенант забрал их в машину и ко мне привёз.

– Хорошо, – одобрил Гурский, – вы с ними начинали, сами и заканчивайте. Получается так, Николай Николаевич, что чудеса в Пермском крае ещё встречаются?

– Виноват, ошибочка вышла, – сконфуженно ответил Колобов. – Прощудирую все наши истории из аномальных зон и, глядишь, остальные девять дел раскроем...

На том и порешили. Гурский, оставшись один в кабинете, с удовлетворением потёр руки одна о другую и вышел из кабинета. В коридоре у кабинета Лысковой он остановился, раздумывая, зайти ли сообщить новость, или она уже знает? В этот момент дверь открылась и из кабинета, пятясь, вышли двое молодых мужчин в форме МЧС. Следом прозвучал отрывком кусочек громкой фразы:

– ...ме-ешаете ра-аботать!

Гурский спросил у посетителей, что за нужда привела их в кабинет младшего лейтенанта. Увидев капитанские погоны, молодёжь быстро рванула по коридору к выходу. Тогда Гурский всё-таки зашёл к Лысковой и увидел, что она, склонив голову, что-то быстро пишет на листе бумаги.

– Ребята! – сказала она, не поднимая головы, – Если вы не уго-омонитесь, то я вызову на-ачальника Управления ка-апитана Гурского!

Здесь она закончила строчить по бумаге и подняла голову.

– Ой! Вла-адимир Васильевич! Извините, что я ва-ами пугаю пришельцев, на-адо-ели уже!

– Это и есть воздыхатели?

– Да если бы во-оздыхатели! Ведь ходят-то всё время ра-азные...

Гурскому показалось, что в глазах Вики появились слезы. Тогда он решительно сказал:

– А вы уже знаете, что троих прошлогодних с дачи привезли? Наши: Колобов и Лысенко.

– Да вы что? Вре-ременное смещение на-алицо! Нужно и оста-альные дела копать, так ведь, Вла-адимир Васильевич?

– Виктория Ивановна! А что, если мы возьмем с собой Яицкого для подстраховки и в субботу махнем поближе к вашей Молебской аномальной зоне? Как раз это с другой стороны

Как нарочно, Вика молчала, хотя Гурскому в основном хотелось что-то именно от неё услышать. Пусть даже с заиканием, он уже привык легко переводить её речь.

– А вы, Вла-адимир Васильевич, не ра-асстраивайтесь! – сказала она наконец. – Не будет ничего – так и не надо. Рыбки на-аловим, ухи наварим, на во-оздухе отдохнём. Что ещё мо-осковскому жителю надо?

– Так я, вроде, как к вам работать приехал! – растерялся Гурский. – Что-то я вас не пони-маю, Виктория Ивановна...

Виктор Яицкий с заднего сидения пробурчал:

– Это она так свое недовольство выражает. Хотела меня отговорить от поездки, пугала оборотнями и временными скачками...

– Ни-ичего я тебя не пугала! – обидилась Вика. – Не го-ороди ерунду, сле-еди, чтобы мы правильно ехали вме-есто своей бо-олтовни. А то за-аедем не в тот лес или к ре-ечке другой приедем. Здесь ведь всякое бывает, а плу-утать в своем кра-аю мне не хо-очется, что о нас ка-апитан подумает? По-одумает, что мы на-ад ним шутки играем!

– Не подумая, ради бога, не беспокойтесь! – успокоил Вику Гурский. Он давно заметил, что при волнении она начинает сильнее заикаться.

Яицкий сзади замолчал надолго, а капитан задумался над тем, почему Лыскова не хотела брать лейтенанта. Может, считала его ещё недостаточно опытным в таких поездках, хотела другого предложить? Колобова, например?

Наконец, Виктория затормозила на небольшой полянке с краю леса у дороги. Где-то совсем рядом шумела река.

– Приехали? – спросил Гурский.

– Может, и приехали! – сказала Вика недовольным голосом. Гурский внимательно взгля-делся в её лицо, но ничего необычного не заметил. В лучах восходящего солнца лицо Вики было, как всегда прелестным и не отражало отрицательных эмоций.

– Вы здесь па-алатку устанавливайте, а я рыбки на-аловлю. Сейчас и пожарим... – с этими словами Лыскова исчезла с удочкой в руке.

– Что это она так резко? – удивился капитан. – С другой стороны, всё равно палатку ставить. Тебе, Виктор Валерьевич, приходилось этим раньше заниматься?

Яицкий отрицательно помотал головой, доставая упаковку с палаткой:

– Я чаще шашлыки начинал готовить, разжигая костёр, а также гонял за недостающей водкой, пока другие палаткой занимались. Вот скажите, Владимир Васильевич! Почему, когда компания приезжает на природу, всегда не хватает водки? Мало того, что по приезду не ожи-данно понимают, что мало закупили, так на следующий день оказывается, что она странным образом исчезает и необходимо самого молодого парня – то есть меня – срочно отправлять на исправление ситуации! Вот мы совершенно серьёзно говорим про пришельцев, ни разу их не встретив, что они что-то нехорошее сделали, людей похитили для анализов, с нами не хотят общаться, знаниями делиться, а сами с какой-то водкой разобраться не можем!

– Ты это к чему? – Гурский стал разглядывать приклеенную к упаковке инструкцию. – Я лично водку не пью.

– Как не пьёте? – возмущённо спросил Яицкий. – А зачем же я пять пузырей купил? Я её тоже не пью, посылают за ней, правда, меня, но из-за молодости.

– Напрасно купил. Уговора такого вроде не было...

– Так наша продвинутая девушка попросила. Говорит, купи водки, может, капитан захо-чет выпить?

Вдвоём они кое-как разобрались в инструкции и установили палатку. Она оказалась почему-то двухместной. Капитан почесал за ухом и сказал:

– Ладно, Виктория Ивановна придёт – что-нибудь придумаем...

И здесь как раз вернулась с рыбалки Лыскова. В пластиковой сумке у неё плескалось несколько довольно крупных рыбин.

– Витя! – скомандовала Виктория. – Сбегай с ведёрком за водой, почистить рыбу поможешь.

– Вот видите, – проходя к машине за ведром, шепнул капитану Яицкий, – что за водкой, что за водой – опять я!..

Когда он спустился к реке, Гурский спросил, наблюдая, как ловко девушка управляется с живой рыбой:

– Виктория Ивановна! А зачем вы столько водки заказали? Мы, вроде, с Виктором не пьём...

– А! – махнула рукой Лыскова. – Может, при-игодится для чего-нибудь. В крайнем случае, за-акопаем для сле-едующего случая...

Гурский совсем не представлял себе этот другой случай, но решил оставить пока вопрос открытым. Он ещё хотел выяснить, как они втроём будут в двухместной палатке спать. Однако не успел его задать, потому что вернулся лейтенант с полным ведром воды. Виктория приспособила Яицкого для сбора внутренностей и захоронения их в отдалённом местечке. Гурского она пожурела за то, что он не догадался разжечь костёр.

– Так вы же не сказали раньше? – промямлил он и кинулся собирать сушняк. Вскоре костёр пылал бесцветным пламенем на солнышке. Лыскова сама выбрала из сушняка поровнее палочки и нанизала на них чищенную и посоленную рыбу, вывесив над огнём.

Они поели рыбы, пахнувшей дымком, и запили чаем из огромного термоса, который тоже захватила Лыскова.

– Теперь предлагаю до-оспать тому, кто не вы-ыспался, – предложила девушка. – Дежурным на-азначается лейтенант, он у нас се-егодня что-то слишком ра-азговорчивый – не к добру это! Де-ежурному вменяется в обязанности следить за окружающей местностью, отгонять посторонних от нашего места, по-однять спящих при лю-убой опасности.

– А как мы будем спать? – наконец задал по существу вопрос капитан. – У нас всего одна палатка, да и то двухместная...

– А нам с вами, Вла-адимир Васильевич, третьего места и не нужно! – урезонила Гурского Лыскова. – Укладывайтесь, я сейчас вернусь. Или вы со мной спа-ать стесняетесь?

Не зная, как отреагировать на такой двусмысленный вопрос, Гурский что-то пробурчал и полез в палатку. Вику он не дождался, потому что моментально уснул на свежем воздухе. Последнее, что ему запомнилось перед сном, была тихая песня, которую стал напевать, сидя у затухающего костра Яицкий:

– Шёл отряд по берегу,
Шёл издалика!..

«Неплохой голос у пацана!» – успел ещё подумать капитан.

Проснулся Гурский из-за какого-то шума, раздающегося из-за палатки. Лежал он один, но рядышком было нагретое местечко, накрытое второпях одеялом. Так делают, когда требуется срочно подняться с постельного ложа во время происшествия. Он тоже быстро собрался и вышел в темноту у палатки. Да, как бы это удивительно не выглядело, было уже темно, хотя часы показывали ровно полдень. Костёр снова горел и около него сидел на складном стульчике Яицкий. Песню он уже не пел, но выглядел странно: Гурский разглядел на нём обычный фильтрующий противогаз со свисающей вниз коробкой. Поверх костра Виктор смотрел на что-то большое и блестящее в отражённом пламени. Сначала Гурский никак не мог сосредоточиться и понять, а что там блестит и для чего это нужно рассматривать через противогаз? Сам он никакого запаха не почувствовал. Потом глазами он стал одновременно искать Лыскову, капитану не понравилось её отсутствие рядом. Затем, не успел Гурский перейти на другую сторону

костра, блестящая от пламени махина явно приподнялась в воздух и стала медленно исчезать. Причём также медленно стала исчезать окружающая костёр темнота, а высоко в небе поне-многу начало появляться солнышко. Гурский ничего не понимал и только чертыхался какое-то время. Но тут его кто-то быстро схватил сзади за локоть, он сразу развернулся и увидел пропавшую Викторину. На ней не было, как говорят в таких случаях, лица, а если быть точнее, то лицо хотя и было, но оно казалось очень бледным, а рука Вики, державшаяся за Гурского, дрожала. В течение нескольких коротких минут ситуация полностью изменилась: солнце разогнало темноту, блестящий предмет перед кустами начинающегося леса пропал, а Яицкий снял свой дурацкий противогаз. И начал вновь тушить костёр.

– Я так испугалась! – тихо сказала Вика, прижимаясь к капитану.

Гурский ничего другого сказать в этот момент не придумал, кроме как обычные слова утешения:

– Но я же с вами!

– Хорошо, что со мной! – согласилась Лыскова. – Я больше в аномальную зону не поеду, я всё-таки считала, что люди лишнее наговаривают – туристов чтобы побольше собрать!

Гурский заметил, что Вика ни разу не заикнулась во время большого предложения. Но сначала он решил разобраться с Яицким. Он подошёл к нему, прихватив с собой за руку слегка упирающуюся Лыскову, и сурово спросил:

– Что всё это значит? Временная темнота, противогаз и остальное? Почему, Виктор Валерьевич, ты тревогу, как договаривались, не объявил?

Яицкий обернулся к капитану, и тот обомлел: в глазах Виктора затаился такой ужас, что дальше что-то уточнить Гурский не решился. Так они с Викторией и стояли рядом с лейтенантом и наблюдали, как его лицо тоже начинало меняться: вначале стал исчезать ужас в глазах – видимо, он начал узнавать своих, затем он судорожно сбросил с коленей на землю всамделишный голубой противогаз с зелёной фильтрующей коробкой, на побледневшем лице стало появляться осмысленное выражение, и уже потом Яицкому удалось произнести:

– Кажется, я видел их...

Гурский крепче обнял по-прежнему дрожавшую Лыскову и твёрдым голосом спросил:

– Кого видел? Лично мне не удалось никого увидеть...

– Их видел! – торжественно повторил Виктор.

– Так! – скомандовал капитан. – Поскольку ситуация контролю не поддаётся, одни что-то видели, другие, наверное, только слышали, но никто толком объяснить ничего не может, принимаю решение срочно собраться и отъехать на левый берег Сылвы, туда, где начинается какое-нибудь человеческое жильё. Там остановимся, и вы мне оба подробно изложите, что видели и слышали.

Команда старшего по званию, как ни странно в подобной ситуации, действовала. В машину быстро запихнули раскинутые вокруг вещи, кое-как засунули в багажник несобранную палатку, сами заняли соответствующие места, причём Гурский решительно сел за руль, и довольно быстро «Жигулёнок» помчался с солнечной полянки в обратном направлении. Все сосредоточенно молчали. Гурский считал: сотрудники пытаются вспомнить, что же всё-таки произошло на самом деле.

Он решил дать один наводящий вопрос, который не выходил из головы:

– Виктор Валерьевич! Откуда у тебя взялся противогаз?

– Противогаз? – сначала удивился Яицкий, а затем лицо у него просветлело. – Так у МЧСников попросил на время. Они часто нашу контору посещают – на Виду никак не посмотрят. Я им и поставил условие: нам в зону ехать, ищите три противогаза на выходные, а нет, то чтобы вашей ноги около её кабинета с этого дня не было. Сам с пистолетом стану на посту! Ну, они один где-то нашли и вчера вечером мне домой занесли. Я ведь что подумал, Владимир

Васильевич! Если появятся в зоне пришельцы, то будет и другая атмосфера – ядовитая для нас. И ещё, честно говоря, взял я его, чтобы попугать вас обоих при случае...

– Да, – сказал Гурский, – попугал прилично! Виктория Ивановна, кажется, даже заикаться перестала!

Машина подъехала к сельскому магазину на окраине населённого пункта, капитан заглушил двигатель и внимательно посмотрел на каждого в отдельности. Яицкий вновь сидел хмурый, а вот Виктория Гурскому понравилась, у неё на лице играла лёгкая улыбка, она казалась задумчивой, и даже можно было предположить, что все эти чудеса были ею лично подстроены. Она встретила взгляд начальника, хотела что-то произнести и не решилась.

– Итак, друзья мои! – начал расследование капитан. – Первым всё расскажет с самого начала Яицкий. Мы легли отдохнуть, а Виктор Валерьевич остался у костра. И что было дальше? Слушаем тебя внимательно.

– Да всё так и было, – нехотя ответил лейтенант, – сначала вы, Владимир Васильевич, нырнули в палатку, а затем Виктория. Я, чтобы не забыть главную фишку, достал из своей сумки противогаз, натянул его для пробы на голову, пробку с коробки снял и стал ждать: может, кто-то посторонний появится, или кто-то из вас из палатки выйдет, отоспавшись. И вот здесь я, кажется, малость сам вздремнул. А когда проснулся, то его и заметил.

– Ты не говори загадками! – отрезал Гурский. – Кого ты, проснувшись, заметил?

– Сразу не могу назвать, первый раз такую штуку увидел. За костром, смотрю, садится большая чёрная фиговина. На тарелку не похожа, так как светящихся окошек нет! Просто масса бесформенная опустилась до самой земли, а затем сразу приподнялась где-то на метр, и стали вокруг сумерки сгущаться. И это днём! Да ещё как заревёт она – словно теплоход, только дыма не видно. Что с меня взять? Я же простой лейтенант полицейской службы, с такими вещами дела ни разу не имел, от страха сидел на своём стульчике, как парализованный. Как я мог вас позвать? Голос-то у меня тоже отнялся. Заметил только, что Вика из палатки выскочила в своём спортивном костюме и тоже застыла, заглядевшись на это чудо природы. Может, это какой-то зверь новый в тайге объявился? Главное, темнело всё сильнее, и вскоре по-настоящему темно стало, хорошо, что костёр вместо того, чтобы давно погаснуть из-за прогоревших дров, запылился ещё сильнее. Затем – вы скорее всего мне не поверите! – но из бесформенной массы, прямо из середины полыхнул на меня тонкий лучик света, словно кто-то меня рассмотреть получше захотел. Но сразу погас, и вся штуковина стала довольно быстро подниматься вверх. И свет стал появляться, солнце взошло. Я уж сейчас подумал, что пришельцы противогаз на мне увидели и испугались! Получается, что не напрасно я его на голову напялил. Куда Вика подевалась, я не видел, но точно знаю, что около палатки через пару минут её уже не было. А дальше вы, Владимир Васильевич, подошли...

Гурский посмотрел на Лыскову. Она по-прежнему безмятежно улыбалась. Но пришло её время давать показания:

– Услышав непонятный шум, я выскочила из палатки, – хотя не хотелось, так хорошо мне было рядом с вами, Владимир Васильевич! Пригрелась, свернувшись калачиком. Увиденное меня так поразило, что испугаться было не сложно! Метнулась за ближайшее дерево и стала там по струнке, а после, увидев вас, бросилась искать защиту. И ужасно рада, что вы ободряюще заявили: «Но я же с вами!».

Яицкий вытаращил глаза и сказал капитану:

– А вы правы, от испуга у кого что происходит, а наша Виктория Ивановна заикаться перестала!

– Ладно, на сегодня нам приключений хватит! – решил Гурский, уступая место даме за рулём. – Поехали в город...

Лыскова отвезла сначала лейтенанта домой, а затем вернулась к гостинице.

– Прощу прощения, Виктория Ивановна! Идея моя была, но не ожидал, что всё так неудачно получится...

– Почему неудачно? – несколько неожиданно ответила Вика. – Настало, видимо, моё время, и зона мне помогла. В понедельник мне придётся принять трудное для меня решение. Наверное, оно вам не понравится, но жизнь есть жизнь, и взять нужно от неё всё, что можно – по максимуму. Что ж, до свидания...

Гурский вышел из машины, с удивлением глядя на Викторию, она теперь была совсем иная, хотя прошло всего полдня. «Жигулёнок» умчался, а капитан присел на скамеечку у входных дверей и задумался. Думал он не о последних проблемах Управления, не о старых заброшенных делах в отделе, даже не об аномальных зонах в Пермском крае, где он когда-то очень хотел побывать. В конечном счете, пришельцы ему стали неинтересны после встречи с девушкой Викой, сейчас он признавался себе, что личная жизнь у него к тридцати годам, в общем-то, не сложилась. Правильно мать говорила ему, что одинокий мужчина после определённого возраста – а он считал свой возраст уже значительным – практически теряет интерес к семейной жизни, и у неё не остаётся шансов занять любимых внуков. Избавившись от заикания при странных обстоятельствах, младший лейтенант может избрать другую жизнь, отчего лично ему, Гурскому, станет не совсем уютно и очень одиноко. Сидя на горячей от солнечных лучей старенькой деревянной лавочке, капитан полиции Гурский Владимир Василевич впервые понял, что он по-настоящему влюбился. Купив в ближайшем магазине бутылку водки, Гурский пришёл к себе в номер и неожиданно всю её выпил, наливая по половине стакана и закусывая куском заскорузлой колбасы, несколько дней хранившейся в холодильнике. Потом он разделся и второй раз за сегодняшний день лёг спать. Правда, поспать ему достаточно долго не удалось, потому что позвонил городской телефон и ему пришлось, сойдя с койки, скрипнувшей старыми пружинами, взять трубку:

– Да, Гурский слушает!

– Владимир Васильевич! – обрадовался знакомый голос в трубке. – Рад, что вы дома. Мне так и сказали, что ваш пикник сорвался по необычным обстоятельствам, и вы вернулись в город. Может быть, вы подскажете, где находится наша дочь, мы её пока не дождались?

Капитан узнал голос Ивана Захаровича Лыскова, отца Вики. Хмель почти полностью улетучился, когда речь зашла о Вике.

– Не могу знать, Иван Захарович! – отчеканил он. – Давно домой уехала, у меня на глазах!

– Мы волнуемся, – сменился голос в трубке, теперь говорила Анна Петровна, – и кроме вас о ней спросить не у кого. Случайно, Вика к вам в гостиницу не заходила?

– Никак нет, Анна Петровна! – стараясь, чтобы голос не выдал свою нетрезвость, ответил по-уставному капитан. И добавил уже не по Уставу: – Не моё это счастье...

Трубку на другом конце провода положили. Гурский разделся догола и встал под холодный душ. Хочешь – не хочешь, а любимый человек пропал! Пьяный для розысков не годился.

Голова постепенно прояснилась. Капитан вышел из ванной комнаты и стал торопливо одеваться в свою форменную одежду. Новый звонок застал его уже в коридоре.

Он взял трубку:

– Добрый вечер, капитан! – услышал он Викин весёлый голос и облегчённо вздохнул. – Не беспокойтесь обо мне, я к подружке заезжала, по соседству. Мы с ней бутылочку сухонького распили, поэтому домой задержалась. Родители сказали, что вы как будто отвечали им неадекватно, но я не поверила. Он не пьёт, сказала я, даже чуточку...

– Рад вашему звонку, – ровно ответил Гурский, уже достаточно согретый в одежде. – Я уж собрался с дежурной машиной по городу вас искать! Вы меня в коридоре поймали...

– Зачем же такие жертвы, дорогой капитан? – с иронией в голосе промурлыкала Вика. – Ну, пропала и ладно! Вам меня стало бы жалко, да?

Гурский стоял в коридоре в рабочей форме и не мог сообразить, что ответить.

– Извините за мою игривость! – посерьёзней Викин голос. – Я больше не буду вас отвлекать, видимо, это лишнее... – и она прервала разговор.

Гурский сначала кинулся искать номер телефона Лысковых, потому что считал, что нужно как-то объясниться. Потом махнул рукой, подумав, что такая красotka всё равно не для него. Даже, если события происходят перед Уральским хребтом под Пермью.

Воскресенье началось для капитана как-то вяло. Ему ничего не хотелось делать, активность упала до нуля. Он утром позвонил дежурному, узнал новости и сообщил, что сегодня не сможет заглянуть в отдел.

– Если что, по мобильнику найдёте.

– Владимир Васильевич! – заинтересованно уточнил дежурный. – А это правда, что наша Вика заикаться от пришельцев перестала?

– Во-первых, не Вика, а младший лейтенант Лыскова Виктория Ивановна! – отчитал дежурного Гурский. – А во-вторых, узнаете всё завтра. Уяснили?

– Так точно! – Дежурный испуганно положил трубку.

Ближе к полдню Гурский позволил себе сделать два звонка в столицу. Сначала он позвонил начальнику Главного Управления МВД:

– Здравия желаю, Александр Иванович! Гурский беспокоит, есть возможность меня выслушать? Дело не терпит отлагательств...

– Володя! Ты мне, как сын родной! Как я могу тебе отказать? Рассказывай, но помни, что в Перми появился недовольный тобой человек, Чечёткин такой. Знаешь его?

– Знаю этого алкаша! – отмахнулся Гурский. – Но мне о своих делах рассказать нужно! Главное, чтобы вы меня поняли: у меня наступило разочарование насчёт этих аномальных явлений – тарелок пришельцев и другой ерунды. Есть они или их нет – теперь мне всё равно! Поэтому прошу обратно в Москву на любую должность! Хоть простым участковым! Поможете, Александр Иванович?

– Завтра и решим! – согласился высокий человек из столицы. – Ты, главное, не волнуйся так. Вчера Марию Львовну, мать твою, видел, о тебе спрашивала. Долго ты ей не звонишь, а она не решается побеспокоить. Вдруг, говорит, он в это время бандитов ловит! Так у тебя больше ничего нового нет? Тогда – до свидания...

– До свидания... – запоздало проговорил Гурский в замолкшую трубку.

Затем он нарушил покой своего давнего друга Драгунского. Тот, правда, долго не отвечал, только через полчаса отозвался:

– Володька! Сколько лет, сколько зим! Как это ты обо мне вспомнил? Наверное, решил за грибами в Подмосковье пригласить, на дачу свою...

– Не до грибов мне, Серёжа! – печально сказал Гурский. – Я временно направлен в Пермь, в районный городок Берёзки. И тут одно непростое дело раскручиваю, кое-что у тебя выяснить хотел. Поможешь?

– Что за дело? Рассказывай...

– Девушка до двадцати трёх лет заикалась, причём при волнении заикалась сильнее. Короче, она в моём отделе работает! И вот сегодня брали мы одного серьёзного преступника, дело было сложное. Лучше бы я её на эту операцию не брал...

– Да что случилось-то?

– Испугалась она очень по ходу дела...

– И теперь совсем заишной стала? Не знаешь, что её родителям сказать? – стал строить догадки Драгунский.

– Вот как раз наоборот, Сергей! Она от этой встряски заикаться совсем перестала!

– Ну, и в чём вопрос? Это же замечательно, такое тоже бывает – лечение обратного!

– Значит, бывает, – вздохнул Гурский, – а мне как-то не поверилось...

Драгунский немного помолчал, а затем догадливо так спросил:

– Вова! По-честному, между нами – ты в неё втюрился?

Капитан сразу сообразил, что про заишную девицу из Берёзок в столице будут скоро знать все его друзья и знакомые, поэтому он резко оборвал разговор:

– Серёжа! Ты всё серьёзное в шутку переводишь! Пока... – и положил трубку.

Затем подумал немного и позвонил в третий раз:

– Мам! Здравствуй! Извини, что долго не мог звякнуть, работы здесь навалилось пропасть, одно тухлое дело за другим! Начальство недовольно. Но в целом, всё хорошо, надеюсь, что скоро с тобой увидимся.

– Володенька, что-то голос у тебя невесёлый. Толи работа такая тяжёлая, толи... Ты, сынок, там случайно не влюбился?

«Ну вот, и мама тоже...» – подумал Гурский и неуверенно ответил:

– Нет, наверное. Пока, мам!

В понедельник первый, кто посетил с утра капитана в кабинете, была Лыскова:

– Я вас приветствую, капитан! – не по-уставному начала она речь. – У меня две новости.

С сегодняшнего дня моя фамилия Любимова, документы все оформила. Надеюсь, что вы тоже рады... И ещё: я подала рапорт, всё уладила с областью и ухожу со службы. Работаю здесь последний день. Теперь меня в Берёзках ничего не держит, сегодня прилетает режиссер Вольский, хочет забрать меня на съёмку сериала, он давно об этом мечтал. Ему мешал только мой недостаток.

Видя, что у Гурского нет слов, младший лейтенант спросила:

– Я могу идти?

И Гурский не смог сказать ничего другого, кроме короткого:

– Да, конечно...

Ему показалось, что Виктория не очень уверенно повернулась и довольно медленно пошла к выходу из кабинета. Выходя, она обернулась и взглянула на капитана, её глаза показались ему мокрыми. А, может, ему просто очень захотелось, чтобы они были мокрыми...

Гурский вызвал Колобова:

– Николай Николаевич! Вы от Яицкого, наверное, знаете, что с нами случилось на той стороне Сылвы? Честно сказать, я потрясён, мне требуется короткий отдых. Я буду в своём номере в гостинице. Чуть что – вызовите меня!

– Слушаюсь! – ответил Колобов и даже, кажется, каблуками щёлкнул. Они вместе вышли из кабинета, и Колобов проводил Гурского к выходу.

Может быть от позавчерашней водки, или ещё от чего, но у Гурского разболелась голова. Он не думал, что в таком небольшом городе у него возникнут неразрешимые проблемы. Раньше подобных проблем он не испытывал. Он медленно перешёл через улицу и скрылся от посторонних взглядов в гостинице. В номере он переделся в спортивный костюм и лёг на койку, вновь скрипнувшую своими предательскими пружинами. Он лежал и старался ни о чём не думать. Но не получалось. Оба окна его номера были обращены в другую от Управления сторону, что дополнительно доставляло определённый дискомфорт. Гурский встал и взялся за чтение старых подшивок журналов, наложенных внизу книжного шкафа для приезжающих. Потихоньку он зачитался некоторыми рассказами, и несколько часов пролетело незаметно. Аппетит к обеденному времени не появился, и он продолжал читать. В половине шестого Гурский собрал подшивки на место и вышел на улицу. Рядом с гостиницей стоял знакомый «Жигулёнок» с хозяйкой за рулём. Ради любопытства Гурский подошёл к машине и через опущенное стекло вежливо спросил:

– Кого дожидаемся, дамочка?

Вика долго смотрела на капитана и ничего не говорила. Гурскому стало не по себе. Он любил этого человека больше себя, больше матери, наверное, но понимал, что у каждого есть право выбора. И если Вика выбрала режиссёра Вольского, то тут ничего не попишешь. Горько только на душе и тоскливо.

– Я уже давно здесь стою, – сообщила, наконец, Виктория.

– А что так? – поинтересовался Гурский. – Режиссёр тоже в этой гостинице остановился?

– Я тебя жду, а не режиссёра, – продолжила Вика, – про Вольского я наврала, он действительно звонил, так как от родителей узнал, что у меня всё стало нормально. Я его и послала подальше.

– Даже так? – удивился Гурский, а сердце его начало биться чаще, чем это было нужно.

Виктория, уже без формы младшего лейтенанта, смотрела прямо перед собой, избегая горячего взгляда капитана:

– Ты же знаешь, Гурский, что я только тебя люблю. И другого полюбить уже не смогу... Хотя, может это и неправильно!

– Ещё как правильно! – воскликнул он. – Поехали к твоим родителям, я предложение тебе буду делать. Хотя... чуток погоди, я только в палатке цветы куплю!

И Гурский побежал к палатке, так что Вика даже не успела поинтересоваться, неужели в столице предложение в спортивных костюмах делают?

Окно времени

Рассказ

Однажды Тофик Байрамов задумался, сидя за паяльником дома в пустой квартире. Почему другие мужчины в его возрасте давно женаты, воспитывают детей, отдыхают семьей на даче или на море, разъезжают в красивых иномарках между большими городами. А у него всё получается как-то нескладно: однажды нечаянно женился на однокласснице, но вскоре брак развалился по нелепому обстоятельству – не понравился теще, о чём и вспоминать-то не хочется. Бывшая жена Тофика давно живёт в Италии и, похоже, не жалеет о своей старой ошибке с замужеством. Положил Байрамов паяльник на стойку и в раздумье вынул огромный альбом старых фотографий, накопленных за долгие годы. Здесь были ещё фотки с детских лет Тофика, которые собирала покойная его мама. Что он хотел высмотреть в старом альбоме, Тофик и сам не знал, просто решил внимательно просмотреть своё прошлое.

Целый час он потратил, в общем-то, на ненужное дело, вздыхая при просмотре некоторых фотографий, и хотел было спрятать альбом снова под стопку книг. И вот здесь-то у него мелькнуло в памяти одно из только что просмотренных фото, где не очень отчётливо было запечатлено совсем неординарное лицо молодой женщины. Что-то оно Байрамову напомнило, что-то такое не до конца определённое, что стоило бы вспомнить подробнее. Найти вновь ту фотографию труда не составило и Тофик впился взглядом в несколько странное лицо, которое кого-то напоминало, но совершенно непонятно, кого именно. Это лицо красивой женщины он изучал ещё минут десять, прокручивая свою сорокалетнюю жизнь месяц за месяцем, год за годом, но ни имени, ни обстоятельств появления фотографии ему вспомнить на этот раз не удалось и, с большим сожалением, Байрамов альбом всё-таки прибрал на место. Тем не менее, долгое время лицо это иногда появлялось ему во сне и именно во сне, что было совершенно невероятно, Байрамов вспомнил всё-таки, кто был на этой фотографии.

Ему было тогда всего двадцать пять лет, он только что счастливо женился, получил прекрасную должность в фирме своего босса Володина, с которым удачно свёл его давний друг детства Жуля Ломоносов. Фирма была большая, с генеральным директором, главным инженером, начальниками многочисленных отделов и несколькими корпусами современных цехов, выстроенных по современной технологии. В этот же год Байрамова назначили начальником одного из вновь возведённых цехов и по роду службы ему приходилось частенько наведываться в управленческий корпус и посещать совещания главного инженера. Там-то – в приёмной – он как раз и встретил женщину с фотографии. Её временно устроили в секретариат фирмы, где она быстро печатала с помощью компьютера, сохраняя невозмутимый вид. Народ же, попадающий в совмещённую приёмную директора и главного инженера, не мог отвести глаз с новенькой. Она была идеальной модельной внешности – и лицо, и ноги, и рост, прекрасно одевалась и ни на кого не обращала внимания. Последнее особенно работало в её пользу, некоторые мужчины Большой конторы, как здесь прозвали заводоуправление, по нескольку раз в день находили предлог, чтобы заглянуть в приёмную и поймать взгляд с прекрасного лица. Но обычно этого не происходило. Эмма была равнодушна ко всем мужчинам без исключения. Выполняла свои секретарские функции она безукоризненно, поэтому руководство фирмы подумывало сократить кого-то из старослужащих женщин, работавших здесь же, только чтобы осталась замечательно выполняющая свои обязанности Эмма, не страдающая лишними разговорами, не увиливавшая от дополнительной работы.

Байрамов не был исключением из основной массы мужчин, кому приглянулась Эмма, но он трезво оценивал свои возможности и дополнительные вояжи в Большую контору из-

за неё не совершал. Однако ему нравилось, что при Эмме в приёмной все сразу становились джентльменами, были изумительно вежливыми и втихаря, правда, редко, приносили ей кто шоколадку, кто букетик цветов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.